
ДРУЖБА. ¹

(Изъ писемъ къ Другу).

У свв. Отцовъ много-краты повторяется мысль о необходимости, наряду со вселенскою любовью—*ἀγάπη*, и уединенной дружбы—*φιλία*. Насколько первая должна относиться ко всякому, не взирая на всю его скверну, настолько же вторая должна быть осмотрительною въ выборѣ друга. Вѣдь съ другомъ срастаешься, друга, вмѣстѣ съ его качествами, принимаешь въ себя; чтобы не погибнуть обимъ, тутъ нужно тщательное избраніе.

„Ὁὐκ ἔστιν οὐδὲν κτῆμα βέλτιον φίλου.

πονηρὸν ἔνδοξα μηδέποτε κτήσῃ φίλου

—нѣтъ никакого пріобрѣтенія лучшаго нежели другъ; но лукаваго человѣка никогда не пріобрѣтай себѣ въ друзья“, высказывается св. Григорій Богословъ ². А въ другомъ мѣстѣ онъ расточаетъ всѣ лучшія слова, лишь бы достойно оцѣнить важность дружбы:

„Друга вѣрнаго нельзя ничѣмъ замѣнить,—такъ начинаеть онъ, обращаясь къ св. Григорію Нисскому,— и нѣсть мѣрила добротѣ его. Другъ вѣренъ кровъ крѣпокъ“ (Сир 61:15 и огражденное Царство (Прит 18 12); другъ вѣрный—сокровище одушевленное. Другъ вѣрный дороже золота и множества драгоценныхъ камней. Другъ вѣрный—„вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ“ (Иѣсн Пѣсн 412), которое временно отверзаютъ, и которыми временно пользуются. Другъ вѣрный—пристанище для упокоенія. А ежели онъ отличается благоразуміемъ, то сіе сколько еще

¹ Окончаніе. См. „Богосл. Вѣстн.“ 1911 г., № 1, стр. 151—182

² Григорій Богословъ,—„Гномическія дву-стипія“, стр. 97—98 (Migne, — Patrolog. ser. gr. T. 37, col. 923, v. 97—98).

драгоценнѣе. Ежели онъ высокъ ученостію, ученостію все-объемлющею, какою должна быть и была нѣкогда наша ученость, то сіе сколько преимущественнѣе? А ежели онъ и „сынъ Свѣта“ (1о 123а), или „человѣкъ Божій“ (1 Тим 611), или приступающій къ Богу“ (Исх 1922), или „мужъ“ лучшихъ „желаній“ (Дан 922), или достойный одного изъ подобныхъ наименованій, какими Писаніе отличаетъ мужей божественныхъ, высокихъ и принадлежащихъ горнему: то сіе уже даръ Божій, и очевидно выше нашего достоинства“. ¹ Разъ ужъ другъ избранъ, то дружба съ нимъ имѣеть, по Григорію Богослову, черты безусловности.

Словомъ,—говорить онъ—, „полагаю мѣру ненависти, но не дружбѣ, ибо ненависть должно умѣрять, а дружбѣ, не должно знать предѣловъ—*τοῦτο περὶ φίλων, ἀλλ' οὐ γιγνώσκω τὸ μέτρον φιλοφροσύνης αὐτῶν, τῆς δὲ τοῦ ἐχθροῦ χυμώσεως ὄρον*“ ².

Въ чемъ же выражается эта безпредѣльность дружбы, это „незнаніе ея предѣла“?—По преимуществу—въ ношеніи немощей друга своего,—до безпредѣльности: во взаимномъ терпѣніи, во взаимномъ прощеніи.

„Дружество перенесетъ все, что ни терпѣть и ни слышать—*πάντα ὀνειδιζέτω καὶ ἀποχρηστέτω καὶ ἀκαχέτω*“ ³. Интересы друзей сливаются; достояніе одного дѣлается достояніемъ другого, и благо одного—благомъ другого:

„*Ἔστι γὰρ πάντες οἱ φίλοι χεῖρες, εἴτε τις ἐσθλῶν ἐσθλῶς πέσει, θεοῦ γὰρ χάρις πάντων*“

—вѣдь когда одинъ изъ хорошихъ испыталъ что-нибудь хорошее, то, въ силу узъ соединяющей дружбы, общая радость бываетъ у всѣхъ ихъ“ ⁴.

Самое „едино-мысліе“—ведетъ начало отъ Троицы, такъ какъ Ей и по естеству всего свойственнѣе единство и внутренній миръ“ ⁵.

¹ Григорій Богословъ,—„Слово 11 е, говоренное брату Василія В., св. Григорію Нисскому“ (Migne,—Patrol. ser. gr., Т. 35, col. 831 В, С).

² Григорій Богословъ,—„Слово 6-ое, О мирѣ 1-е (Migne,—Patrol. ser. gr., Т. 35, col. 728)

³ Григорій Богословъ,—„Слово 11-ое, говоренное брату Василія В. св. Григорію Нисскому (Migne,—Patrol. ser. gr., Т. 35, col. 833 С).

⁴ Григорій Богословъ,—„Увѣщательное посланіе къ Еллінію, о монахахъ“, ст. 231—232 (Migne,—Patrolog. ser. gr., Т. 37, col. 1468, V 231—232).

⁵ Григорій Богословъ,—„Слово 23-ее, О мирѣ 3-ее“.—Вообще все это

Подобныя же мысли высказывались другими отцами; приведу нѣсколько случайныхъ выдержекъ. Такъ, св. Василиій В. видитъ въ общеніи людей ихъ глубочайшую органическую потребность.

„Кто не знаетъ, что человекъ есть животное кроткое и общительное, а не уединенное и дикое? Ничто вѣдь такъ не свойственно нашей природѣ, --говорить онъ—, какъ имѣть общеніе другъ съ другомъ и нужду другъ въ другѣ и любить соплеменныхъ—*τίς οὐκ οἶδεν, ὅτι ἡμεῖρος καὶ κοινωνιζὸν ζῶεν ὁ ἄνθρωπος, καὶ οὐχὶ μοναστιζόν, οὐδὲ ἄριστον. Οὐδὲν γὰρ οὐτως ἴδιον τῆς φύσεως ἡμῶν, ὡς τὸ κοινωνεῖν ἑλληλοῖς, καὶ χοῖσιεν ἑλληλοῖς, καὶ ἀγαπᾶν τὸ ὁμόγενος* (qui ejusdem sunt generis) и вообще вся глава (coll. 915C—917B).¹

Между любящими разрывается перепонка самости и каждый видитъ въ другѣ какъ бы самого себя, интимнѣйшую сущность свою, свое другое Я, не отличное, впрочемъ, отъ Я собственнаго. Другъ воспринимается въ Я любящаго,—оказывается въ глубокомъ смыслѣ слова пріятнымъ ему, т. е. пріемлемымъ имъ, допустимымъ въ организацію любящаго и нисколько не чуждымъ ей, не извергаемымъ изъ нея. Любимый, въ изначальномъ смыслѣ слова,—пріятель, „пріятелище“ для друга своего, ибо, какъ мать младенца, такъ любящій пріялъ его въ нѣдра свои и подъ сердцемъ носить².

Слово посвящено уясненію связи между единомыслиемъ и внутри-Божественною жизнью. (Migne,—Patrolog. ser. gr., Т. 35, coll. 1451—1168).

¹ Василиій В.—Правила обширно изложены. 3. Отвѣтъ на вопросъ о любви къ ближнему (Migne,—Patrolog. ser. gr., Т. 32, col. 917 A).

² Во избѣжаніе недоразумѣній считаю великимъ напомнить, что истинный предметъ нашихъ разсужденій—внутренняя жизнь, а не лингвистика. Вотъ почему, здѣсь,—равно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ—дѣлаются опредѣленнымъ тономъ ссылки на этимологию признаваемыя сомнительными или, по меньшей мѣрѣ, не окончательно выясненными. Лингвистическія теорія, для насъ,—не аргументы въ собственномъ смыслѣ. (—Да и возможны ли вообще таковыя въ вопросахъ внутренней жизни? а если бы и были возможны, то пужны ли они.—тамъ, гдѣ сама жизнь говорить краснорѣчивѣе всякихъ аргументовъ?—) Но если онѣ не аргументы, то что же такое?—Конечно, своеобразные символы. При этомъ вовсе ужъ не такъ важно знать, насколько эти символы одобрены современными лингвистами; вѣдь переживанія внутренняго опыта—для всѣхъ временъ и народовъ, научныя же мифыя—дѣло текучей и измѣнчивой моды, постоянной нисколько не болѣе, чѣмъ мода на дамскія шляпы или рукава.

Пріятіе въ душу дружескаго Я сливается во-едино два раздѣльныхъ потока жизни. Это жизненное единство получается

А если скромность не позволяетъ слишкомъ отставать отъ того, чего въ данную минуту держится весь свѣтъ, то само-охраненіе тѣмъ менѣе можетъ допустить суетную бѣготню за „последнимъ крикомъ“ моды,— какъ дамской, на пляны, такъ и мужской, на вѣянія науки. Итакъ, если нѣкоторая символика идетъ къ нашей ближайшей задачѣ, то мы позволимъ себѣ не тревожиться, что скажутъ на нее лингвисты.

Мало того. Опираясь на величайшій изъ авторитетовъ въ философіи,— на авторитетъ Платона, мы не затруднились бы, по его примѣру, сослаться на такія положенія языко-знанія, которыя нами въ свое время и на своемъ мѣстѣ были или будутъ опровергаемы: философія,—хотя и Ancilla theologiae—, однако не Ancilla Scientiarum; въ отношеніи къ наукамъ она— Domina. Философія языкъ творитъ,—не изучаетъ. Скажемъ прямо: по ставшему классическимъ выраженію Вильгельма Гумбольдта языкъ— не неподвижная вещь, не *logos*, а вѣчно-живая дѣятельность, *érgon*. Слово непрерывно создается, и въ томъ—самая суть его. Слѣдовательно, слово есть то, чѣмъ даруетъ ему быть творецъ языка,—поэтъ или философъ. „Вѣщная форма слова“, т. е. его фонема вмѣстѣ съ морфемой, существуетъ ради души его,—семемы—, и въ нея—не слово, а только физической процессъ; семема—лишь считается до извѣстной степени съ вѣщшею формою, но—далеко не раба ея.—Объяснимся примѣромъ. Неужели поэту возбранено облекать свои творческіе замыслы въ одежду еще непривычныхъ или устарѣлыхъ естественно научныхъ терминовъ и теорій? „Материнское сердце—визуна“. Сказавъ такъ неужели мы обязаны боязливо озираться на теорію эмоцій Джемса-Ланге и хлопотать у нея объ оправданіи? Или: неужели выраженію „духовная атмосфера была насыщена электричествомъ“ ждуть своего суда отъ физика?

Такъ и философъ.—больше изъ вѣжливости, чѣмъ всерьезъ прислушивающійся къ поученіямъ лингвиста. Но, если для спокойствія читателя непременно требуется сужденіе „отъ науки“, то, насколько мы въ силахъ, удовлетворимъ его,—хотя бы пріемомъ *Sacchari albi* въ облаткѣ („Непремѣнно черезъ 1/2 часа послѣ вды!“—).

Русское слово **пріятедь** бывало приводимо нѣкоторыми отъ глагола дѣйствительнаго залога **пріяти** съ корнемъ **иму** и настоящимъ временемъ **пріемлю** (см. Этимологическій словарь Рейфа). Толкованіе слова „пріятедь“ какъ „пріемлющій“ не чуждо, повидному, богослужебнымъ книгамъ,—хотя бы въ видѣ игры словъ. Такъ, въ стихирахъ на литіи въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы поется: „Мати и дѣва, и пріятелище Божіе“, а въ стихирахъ на стиховѣ („слава и пѣнѣ“) на тотъ же день Она именуется „Храмъ святой, Божества пріятелище“. Впрочемъ, рѣшительно утверждать, что тутъ есть сближеніе понятій: „пріянявшая въ себя Бога“ и „другъ Божій“.—не приходится. Но въслѣдствіи глаголь **пріяти**, лежащій въ основѣ слова **пріятедь**, былъ и признакъ за глаголь особый,—хотя и съ созвучнымъ корнемъ **иму**, а именно за глаголь средняго залога п съ настоящимъ временемъ **пріаю** (**пріа-ю**). Отъ всего и

не какъ порабощеніе одной личности другою, и даже не какъ сознательное рабство одной личности предъ другою. Дружеское единство нельзя тоже назвать уступкою, уступчивостью. Это—именно единство. Одинъ чувствуетъ, желаетъ, думаетъ и говоритъ не потому, что такъ именно сказали, подумали, вожелали или почувствовали другой, а потому, что оба они чувствуютъ—въ одно чувство, желаютъ—въ одну волю, думаютъ—въ одну думу, говорятъ—въ одинъ голосъ. Каждый живетъ другимъ, или, лучше сказать, жизнь какъ одного, такъ и другого, течетъ изъ въ-себѣ-единого, общаго центра, творческимъ подвигомъ ставимаго друзьями надъ собою. Поэтому-то разныя проявленія его всегда сами собою бываютъ гармоничны. Да, сами собою,—не чрезъ напряженное чувство, или волю, или думу, или словесную формулу, выставляемую, какъ принципъ единства. Словесная ли формула, система ли таковыхъ, дающая программу,—все равно, это подобно-сущное единство или союзъ (alliance) совѣмъ не то, что едино-сущное единство или единство въ собственнѣйшемъ смыслѣ слова (unité) (ср. у Хомякова).

Въ ноуменальныхъ нѣдрахъ други очердѣляютъ свою дружбу,—не въ плоскости полу-призрачной и безкрылой феноменальности („психики“). Поэтому-то други образуютъ дву-единство, діаду; они—не они, а нѣчто большее,—одна душа.

По словамъ Марка Минуція Феликса, другъ его Октавій любилъ его такъ горячо, что во всѣхъ важныхъ и серьезныхъ и даже въ маловажныхъ дѣлахъ, даже въ забавахъ,

происходить все гнѣздо словъ, родственныхъ также по смыслу разбираемому слову, а именно (по недостатку въ типографіи буквъ съ надстрочными звуками многія слова набраны неправильно): польск. przujac, przujac, przuja-je, -ciel; чешск. přát, přát, přát; румынск. prii, prieten. přeten (amicus) и др.,—ср. съ санскр. pri, pri-na-ti, prij-a (любезный, другъ),-ajate, präj ás, (любовь), pri-ti-s, prä-tar-, pri-jamana; зендск. fry-a; готск. frij on, frij-ond-s; др. верхн.-пѣм. fri-unt, fri-n dil; лит. pri-é tel-is; нѣм. Freund frei,—en, Frei-her (женить), Frei-tag (Veneris dies) и т. д. См.:

Феодоръ Шимкевичъ,—Корпусловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчьями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками. Ч. II, СПб. 1842, стр. 26—27: „пріять“.

Н. В. Горячевъ.—Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тифлисъ, 1896, стр. 280. 181: „пріятель“.

ихъ желанія были во всемъ согласны. „Можно было подумать, что въ обоихъ была раздѣлена одна душа“¹.

Иначе и быть не можетъ: вѣдь друзья,—такъ утверждаетъ Лактанцій—, „и не могли бы быть привязанными дружбою столь вѣрной, если бы въ обоихъ не была одна душа, одна и та же мысль, одинаковая воля, равное мнѣнiе“².

Общая жизнь—это общая радость и общее страданiе. Въ дружбѣ—не со-радованiе и со-страданiе, а созвучное радостное и созвучное страданiе: состоянiе перваго рода идутъ отъ периферiи души къ центру ея и относятся къ тѣмъ, кто сравнительно дальше отъ насъ. Но радость и страданiе совсѣмъ близкихъ, возникая въ самомъ центрѣ нашей души, устремляются отсюда къ периферiи; это—ужь не отраженiе чужого состоянiя, а собственное созвучное состоянiе,—собственная радость и собственное страданiе. Уже Аристотель, —примѣнительно къ страданiю—, подмѣтилъ эту разницу переживанiй³. Еврипидъ же, въ своей трагедiи „Гераклъ“, даетъ намъ художественное доказательство такого различiя, сопоставляя страданiя Амфитрiона и Геракла, Амфитрiона и Тесея⁴.

Но если близкiя связи вообще благопрiятны для созвучныхъ переживанiй, то почвою по преимуществу приспособленную къ нимъ бываетъ дружба: по утверженiю св. Максима Исповѣдника „вѣрный другъ несчастiя друга счи-

¹ „Tanto nostri [sc. M. Minucii Felicis] semper amore flagaverit [Octavius], ut et in ludicris, et seriis pari mecum voluntate concineret, eadem vellet vel nollet. Crederes unam mentem in duobus fuisse divisam“.

Маркъ Минуцій Феликсъ,—Октавій, I и (Migne,—Patrolog. ser. lat. T. 3, col. 233 A) и вообще см. всю главу I (Migne,—id., col. 232—234).

² „Nec enim possent in amicitia tam fideli cohaerere, nisi esset in utroque mens una, eadem cogitatio, par voluntas, aequa sententia“.

Лактанцій, —О смерти преслѣдователей, 8. (Lucii Coelii Lactantii Firmiani Opera Omnia, ed. Io. Ludolph. Bünemann. Halae, 1765. T. 2, p. 2341).

³ Аристотель,—Риторика, II 8 (Aristotelis Opera, ed. Acad. Reg. Borussica. Volum. 2, Berolini 1831. pp. 1385—1386).

La Rhétorique d'Aristote, grec-français. Traduction nouvelle par M. E. Gros. Paris, 1822. pp. 286—295.

⁴ Театръ Еврипида. Переводъ И. Ф. Анненскаго. Т. I, СПб. [1907]. стр. 351—412: „Гераклъ“. Весьма интересный анализъ этой трагедiи см. тамъ же, стр. 415—448, „Мнѣнiе и трагедiя Геракла“, особенно стр. 442—447.

таетъ своими и терпитъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ, страдая до смерти“¹.

Объединяясь такъ, существомъ своимъ, и образуя разсудочно непостижимое дву-единство, други приходятъ въ едино-чувствіе, едино-воліе, едино-мысліе, вполне исключаящія разно-чувствіе, разно-воліе и разно-мысліе. Но, вмѣсто тѣмъ, будучи активно ставимымъ, это единство—вовсе не медіумическое взаимно-овладѣніе личностей, не погруженіе ихъ въ безличную и безразличную, а потому и несвободную—, стихію обоихъ. Оно—не раствореніе индивидуальности, не приниженіе ея, а подъемъ ея, сгущеніе, укрѣпленіе и углубленіе. Въ отношеніяхъ дружбы незамѣнимая и пи съ чѣмъ не сравнимая цѣнность и своеобразность каждой личности выявляется во всей красотѣ своей. Въ другомъ Я личность одного открываетъ свои задатки, духовно оплодотворяемая личностью другого. Каждый изъ друзей для личности своей получаетъ утвержденіе, находя свое Я въ Я другого. „Имѣющій друга,—говоритъ Златоустъ—, имѣетъ другого себя (*ἄλλον ἑαυτὸν ἔχει*)“².

„Любимый для любящаго,—разсуждаетъ св. Отецъ въ другомъ мѣстѣ—,—тѣ же, что самъ онъ. Свойство любви таково, что любящій и любимый составляютъ уже какъ бы не двухъ отдѣльныхъ лицъ, а одного человека (*ταῦτα γὰρ ἓστι φίλοι, μηκέτι εἶναι τὸν φιλοῦντα καὶ τὸν φιλούμενον ὁμοῦ διηρημένους, ἀλλ' ἓνα τινὲ ἀσφρολογ*)“³.

Раздѣленность въ дружбѣ—лишь грубо-физическая, только для зрѣнія въ самомъ элементарномъ значеніи слова. Потому-то въ стихирѣ на день Трехъ Святителей (30-го января) поется о нихъ, какъ о „раздѣленныхъ тѣлесно, но совокупленныхъ духовно“.

И мощь и трудность службы—не въ фейерверочно-вспыхивающемъ подвигѣ минуты, а въ неизмѣнно-тепящемся

¹ Максимъ Исповѣдникъ.—„О любви“. 4 (Migne,—Patrolog. ser. gr., T. 93, col. 1072 A)

² Іоаннъ Златоустъ,—„Слова на 1-ое Посланіе къ ессалоникійцамъ. Слово II 439—(Migne,—Patrolog. ser. gr., T. 62, col. 406). И вообще см. всю 3-ю и 4-ую части этого слова, (id, coll. 402—406), посвященные восхваленію дружбы.

³ Іоаннъ Златоустъ,—„Слова на 1-е Посланіе къ Коринѳянамъ“, Слово 23, III. (Migne,—Patrolog. ser. gr., T. 41, col. 280).

терпѣннѣ жизни. Это—тихое пламя едея, а не взрывъ газа. Героизмъ—всегда лишь украшеніе, а не суть жизни, и, какъ украшеніе, онъ непремѣнно имѣеть свою законную долю рисовки. Но, становясь на мѣсто жизни, онъ неизбѣжно вырождается въ гримъ, въ болѣе или менѣе правдоподобную позу. Самый непосредственный героизмъ—въ дружбѣ, въ паосѣ ея; но и тутъ героизмъ—лишь цвѣтокъ дружбы, а не стебель и не корень ея. Героическое расточаетъ, а не собираетъ; оно всегда живетъ за счетъ другого, питается соками добытыми житейскостью. Тутъ, во тѣмѣ житейскости кроются тончайшіе и нѣжнѣйшіе корни дружбы, добывающіе истинную жизнь и сами не видные ничьему взору, порою даже не подозрѣваемые никѣмъ. Но они питають данную въ настоящемъ жизнь, а раскрывшійся цвѣтокъ героизма, если не будетъ пустоцвѣтомъ, произведетъ лишь сѣмя другой, будущей дружбы.

Дружеская любовь относится не къ отдѣльнымъ точкамъ духовнаго оживленія, не къ встрѣчамъ, впечатлѣніямъ и праздникамъ жизни, а ко всей жизненной, даже житейской, даже будничной дѣйствительности, — требуетъ „внимайте себѣ“ именно тамъ, гдѣ „герой“ совсѣмъ распускаетъ себя. Если говорилось что нѣтъ великаго человѣка для его лакея или, лучше, нѣтъ героя для его лакея, то вѣдь на то одинъ изъ нихъ—герой, а другой—лакей. Вѣдь героизмъ не выражаетъ имманентнаго личности величія, а лишь надѣваетъ его на срокъ; предъ лакеемъ же остается только самимъ собою. Но въ дружбѣ—наоборотъ. Всякое внѣшнее дѣйствіе одного кажется другому недостаточнымъ, потому что, зная душу друга, онъ видитъ несоотвѣтственность какого угодно дѣйствія внутреннему величію души. По отношенію къ герою одни удивляются, другіе—имъ пренебрегаютъ; одни увлекаются имъ, другіе—ненавидятъ. Другъ же никогда не удивляется своему другу и не пренебрегаетъ имъ; не увлекается имъ и не ненавидитъ его. Онъ—любитъ; а для любви безконечно-милою, безцѣнною и весь міръ со всѣми соблазнами его перевѣшивающею бываетъ именно эта, единственно эта любимая душа. Вѣдь *filia* знаетъ друга не по внѣшней обрисовкѣ, не по платью героизма, а по его улыбкѣ, по его тихимъ рѣчамъ, по его слабостямъ, по тому какъ онъ обращается съ людьми въ простой, человѣческой жизни,—по тому какъ онъ ѣсть и спать.

Можно риторически говорить рѣчи—и обмануть. Можно риторически страдать, даже умереть можно риторически и—обмануть своею риторикою. Но нельзя обмануть повседневною жизнью, и истая проба подлинности души—через жизнь вмѣстѣ, въ дружеской любви. Тотъ или другой актъ героизма можетъ совершить всякій; интереснымъ можетъ быть всякій; но такъ улыбнуться, такъ сказать, такъ утѣшить, какъ дѣлаетъ это другъ мой, можетъ лишь онъ одинъ, и никто болѣе. Да, никто и ничто въ мірѣ не возмѣститъ мнѣ потери его. Тутъ, въ дружбѣ, начинается выявленіе личности, и потому тутъ начинается и настоящій, глубинный грѣхъ и настоящая, глубинная святость. Можно сказать великую ложь о себѣ во многихъ томахъ сочиненій; но нельзя и малѣйшей произнести въ жизненномъ общеніи съ другомъ: „Какъ въ водѣ лицо—къ лицу, такъ сердце человека—къ человеку“ (Ирт Сол 27m). Соотношеніе житейскаго и героическаго похоже на соотношеніе чертъ лица и случайныхъ бликовъ на немъ: послѣдніе могутъ быть эффектны, но они не касаются того, что намъ дорого въ лицѣ или отвратительно, что намъ привлекательно или ненавистно. Дружба строится на этихъ полу-тѣняхъ, выявляющихъ черты лица, на улыбкахъ, на просто жизни,—на той самой жизни, гдѣ воистину воцаряется или любовь или ненависть, окончательныя. Отыми отъ человека его героизмъ,—и человекъ останется тѣмъ, что онъ есть; попробуй мысленно выдѣлить изъ него его глубинную святость или глубинную любовь, его сокровенную жизнь и сокровенный грѣхъ, сквозящіе въ каждомъ жестѣ, и...не останется человека вовсе, подобно тому какъ если бы выдѣлить изъ влаги водородъ ея.

Это конечное разложеніе, эта фракціонная перегонка человека полностью совершается Духомъ Святымъ, при концѣ вѣковъ. А здѣсь, теперь такое раздѣленіе можетъ совершаться черезъ человека, дружески любящаго, ибо только онъ станетъ указывать намъ наше сокровенное. Тутъ еще разъ обнаруживается метафизическая природа дружеской связи. Дружба—не только психологична и этична, но прежде всего онтологична и мистична. Такъ на нее смотрѣли во всѣ времена всѣ углубленные созерцатели жизни. Что же есть дружба?—Созерцаніе Себя чрезъ Друга въ Богѣ.

Дружба—это видѣніе себя глазами другого, но предъ ли-

номъ третьяго, и именно Третьяго. Я, отражаясь въ другѣ, въ его Я признаетъ свое другое Я. Тутъ естественно возникаетъ образъ зеркала, и онъ вотъ уже много вѣковъ стучится за порогомъ сознанія. Пользуется имъ и Платонъ: другъ,—по утверженію величайшаго изъ знатоковъ τῶν ἐρωτιζῶν, Платоновскаго Сократа—, „въ любящемъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ самого себя—ὄψεο δ' ἐν κατόπτρῳ ἐν τ' ἐρώντι ἑαυτὸν ὄρωι“. ¹ А черезъ дважды двѣнадцать вѣковъ почти дословнымъ отзвукомъ вторитъ ему Шиллеръ: „Поза видѣль—говоритъ онъ—, въ этомъ прекрасномъ зеркалѣ, (т. е. въ другѣ своемъ Донъ-Карлосъ) себя самого, и радовался собственному изображенію“ ². Это обрѣтеніе и узнаніе себя въ созвучномъ чувствѣ друга конкретно изображено въ словахъ Карлоса къ Филиппу:

„Какъ сладко, хорошо въ душѣ прекрасной
себя преобразать; какъ сладко думать,
что наша радость красить щеки друга,
что наша грусть другую грудь сжимаетъ,
что наша скорбь глаза другіе мочитъ.“ ³

Но Гомеръ, еще раньше Платона, по поводу дружбы замѣтилъ, что „божество всегда ведетъ подобнаго къ подобному“ ⁴ и дѣлаетъ ихъ знакомыми (на это мѣсто ссылается и Платонъ въ „Лизисѣ“), а Ницше, послѣ Шиллера, утверждаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ свой *μέτρον* и что дружба—это два человѣка, но одинъ общій *μέτρον* или что, другими словами, дружба есть одинаковый строй двухъ душъ.

Но другъ—не только Я, но и другое Я, другой для Я. Однако, Я—единственно, и все, что есть другое въ отношеніи Я, то ужъ—и не-Я. Другъ—это Я, которое не-Я: другъ—*contradictio*, и въ самомъ понятіи о немъ завіта антиномія. Если тезисъ дружба есть тождество и подобіе, то ея анти-тезисъ—не-тождество и не-подобіе. Я не могу любить то что

¹ Платонъ,—Федръ, 255D (Platonis Opera ex rec. R. V. Hirschigii, Parisiis, 1856, Volumen 1, p. 719).

² Шиллеръ,—Письма о Донъ-Карлосѣ, письмо III, (Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова СПб. 1902, Т. IV, стр. 244).

³ Шиллеръ,—Донъ-Карлосъ, 2-е дѣйств., 2-й выходъ, перев. М. Достоевскаго. (Собр. соч. id., СПб. 1091, Т. II, стр. 105).

⁴ ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς τὸν ὁμοῖον, (Гомеръ,—Одиссея, XVII 278).

не есть Я, ибо тогда допустилъ бы въ себя нѣчто чуждое себѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, любя я хочу не того, что самъ я есмь: въ самомъ дѣлѣ, на чтó же мнѣ то, что у меня уже есть. Эта само-противорѣчивость дружбы раскрыта юнымъ Платономъ въ „Лизисъ“; а заново ее открываетъ Шиллеръ.

„Любовь,—говоритъ онъ относительно дружбы, въ противоположность приведенному выше—, любовь возникаетъ не между двумя однозвучными душами, а между гармонически звучащими“; и еще: „Съ удовольствіемъ,—пишетъ Юлія, обращаясь къ своему другу Рафаэлю—, съ удовольствіемъ вижу я мои чувства въ моемъ зеркалѣ, но съ пламеннымъ наслажденіемъ пожираю я твои высшія, которыхъ мнѣ недостаетъ“.¹

Въ любви происходитъ размѣнъ существъ, взаимное воспомяніе. „Когда я ненавижу,—завѣряетъ Шиллеръ рукою своего Юлія—, я нѣчто отнимаю отъ себя; когда я люблю, я обогащаюсь тѣмъ, что я люблю“.² Любовь обогащаетъ; Богъ,—имѣющій абсолютную любовь—, абсолютно Богатый: онъ богатъ Сыномъ Своимъ, Котораго любить, Онъ—Полнота.

Подобіе (*τὸ ὁμοίον*) и не-подобіе или противоположность (*τὸ ἐναντίον*) равно необходимы въ дружбѣ, образуя ея тезисъ и антитезисъ. Въ Платоновской диалектикѣ эта антиномичность дружба снимается или, точнѣе, прикрывается совмѣщающимъ то и другое понятіемъ свойственности; друзья,—говорится у Платона—,— „по естеству свои другъ другу,—*οἰκεῖται*“,³—въ томъ смыслѣ „свой“, что каждый изъ нихъ есть часть другого, восполняющая метафизическій недостатокъ его существа и потому однородная съ нимъ. Но ни логическое понятіе свойственности, ни равно-значительный съ нимъ, вѣковѣчный по пластичности мифическій

¹ Шиллеръ,—Философскія письма, „Любовь“, (Собраніе сочиненій, id. Спб. 1902. Т. IV, стр. 234).

² Шиллеръ,—id. (id., Т. IV, стр. 233).

³ Платонъ,—Лизисъ, 221E (Platonis Opera ex recensione R. B. Hirschii, Parisiis, 1856. Volumen I, p. 554): „*φίλοις ἑὸν εἶναι ἑαυτὸν ἀλλήλοις, φίλοι τε οἰκεῖται ἑσθ' ἑαὐτὰ ἀλλήτοις*—если вы друзья другъ другу, то вы свои другъ другу по природѣ“.—id. 222 A (id., p. 54): „*τὸ γὰρ διὰ φύσιν οἰκεῖται συναρξῆσθαι ἑαὐτὰ ἀναγκαῖον φιλῆν*—по природѣ свое необходимо бываетъ въ дружбѣ“.

образъ андрогина (въ „Пирѣ“) не можетъ засыпать пропасть между двумя устоями дружбы, ибо и понятіе это, и образъ этотъ, на самомъ дѣлѣ, суть ничто иное, какъ сокращенное обозначеніе антиноміи Я и не-Я.

Еще можно уподобить дружбу консонансу. Жизнь—сплошной рядъ диссонансовъ; но чрезъ дружбу они разрѣшаются и въ дружбѣ общественная жизнь получаетъ свою осмысленность и примиренность. Но, какъ строгій унисонъ не даетъ ничего новаго, а тоны близкіе, но не равно-высокіе, сочетаются въ невыносимые для уха перебои, —такъ же и въ дружбѣ: чрезмѣрная близость въ строеніи души, но при отсутствіи тождества, ведетъ къ ежеминутнымъ толчкамъ, —невыносимымъ по своей неожиданности и непредвидимости, раздражающимъ словно мигающій свѣтъ.

Тутъ, въ понятіи консонанса, мы опять таки укутываемъ антиномію, ибо консонирующие тоны должны быть чѣмъ-то равны между собою и, въ то же время,—разны. Но, какова бы ни была метафизическая природа дружбы,—дружба существенное условіе жизни.

Дружба даетъ человѣку само-познаніе: она открываетъ, гдѣ и какъ надо работать надъ собою. Но эта прозрачность Я для себя самого достигается лишь въ жизненномъ взаимодѣйствіи любящихъ личностей. „Вмѣстѣ“ дружбы—источникъ ея силы. Даже объ общинной жизни св. Игнатій Богоносецъ, указывая на таинственную, чудо-творную силу, получаемую христіанами отъ жизни вмѣстѣ писалъ ефессянамъ:

„Итакъ, старайтесь плотнѣе собираться для благодаренія Бога и славы. Вѣдь когда вы бываете плотно на одномъ мѣстѣ, то счищаются силы Сатаны и устраняется гибель его въ едино-мыслии вашей вѣры—*ἐν τῇ ὁμοθυμαδον τῆς πίστεως*. Ничего нѣтъ лучше мира, въ которомъ прекращается всякая война небесныхъ и земныхъ.“¹

Тутъ явно указывается, что „вмѣстѣ“ любви не должно ограничиваться одною отвлеченною мыслию, но непременно требуетъ ощутимыхъ, конкретныхъ проявленій,—до „тѣсноты“ въ касаніи включительно. Надо не только „любить“ другъ

¹ Игнатій Богоносецъ,—Послание къ ефессянамъ, 13 1, 2 (Funk,—Apostol. Väter, S. 84).

друга, но надо и быть вмѣстѣ *πυχνός*, тѣсно, стараться быть по возможности *πυχνότερος*, тѣснѣе другъ къ другу. Но когда же друзья бываютъ тѣснѣе другъ къ другу, какъ ни при поцѣлуѣ? Самое названіе поцѣлуя сближаетъ его со словомъ цѣлый и показываетъ, что глаголь цѣловаться означаетъ приведеніе друзей въ состояніе цѣлостности, единства. Поцѣлуй—духовное объединеніе цѣлующихъ другъ друга лицъ ¹. Преимущественная же связь его именно съ дружбою, съ *φιλία* видна изъ греческаго названія его,—*φιλική*; кромѣ того,—о томъ было уже упомянуто,— *φιλεῖν*, съ прибавленіемъ *τῆ σπύγης*, устами, или же безъ него—, прямо значить **цѣловать**.

Надо жить общею жизнью, надо будничную жизнь просвѣтить и пронизать близостью, даже внѣшнею, тѣлесною, и тогда у христіанъ явятся новыя, неслыханныя силы—препобѣждающія Сатану, смывающія и удаляющія всѣ его нечистыя силы. Вотъ почему тотъ же Святой пишетъ св. Поликарпу, епископу смирской церкви, и, значить, тѣмъ самымъ всей Церкви: „Со-трудитесь другъ другу, со-старайтесь, со-бѣгите, со-страдайте, со-отдыхайте, со-бодрствуйте, какъ Божіи домо-правители и гости и слуги“ ².

Быть можетъ, имѣя предъ духовными очами эти слова уже ушедшаго Наставника, св. Поликарпъ Смирнскій въ свой чередъ училъ филиппійцевъ:

„Имѣющій любовь (*ἀγάπη*) далекъ отъ всякаго грѣха“ ³.

И тутъ опять повторяется основная мысль: любовь даетъ особыя силы любящему, и силы эти препобѣждаютъ грѣхъ, какъ смываютъ и удаляютъ онъ; по словамъ Богоносца, силы Сатаны и его гибель.

Это же самое твердятъ и другіе люди, вѣдающіе законы духовной жизни. Такъ, старецъ Свирскаго монастыря о. Феодоръ предъ смертію уговаривалъ отечески тихо:

„Отцы мои! Господа ради другъ отъ друга не разлучай-

¹ Як. Тарновскій,—Образованіе главныхъ суффиксовъ („Филологическія записки“, г. 49, Вып. VI, 1909 г., стр. 5).

² Игнатій Богоносець,—„Посланіе къ Поликарпу“, 61 (Funk.—Apostol. Väter, S. 107).

³ Поликарпъ Смирнскій,—„Посланіе къ филиппійцамъ“, 3а (Funk.—Apostol. Väter, S. 110).

тесъ, поелику нынѣ въ пребѣдственное время мало найти можно, дабы съ кѣмъ по совѣсти и слово-то сказать".¹

Слова эти въ высшей степени примѣчательны: вѣдь въ нихъ говорится не о томъ, чтобы не злобствовали, не гнѣвались другъ на друга, или не ссорились другъ съ другомъ. Нѣтъ, тутъ вполне опредѣленно сказано о необходимости быть вмѣстѣ,—быть внѣшне, тѣлесно, эмпирически, житейски.

И такое купно-житіе Церковью считалось и считается столь непреложно-необходимымъ, столь существенно связаннымъ съ лучшимъ въ жизни, что даже надъ усопшимъ мы слышимъ Ея голосъ: „Се что добро, что красно еже жити братии вкуплѣ“. При гробѣ одного изъ близкихъ мнѣ запало въ сердце это воздыханіе о дружбѣ. Даже тогда, — думалось мнѣ—, даже тогда, когда покончены всѣ счеты съ жизнью, даже тогда вспоминается.—со жгучимъ желаніемъ—, о совмѣстной жизни, объ идеалѣ дружбы. Нѣтъ ничего ужѣ,—нѣтъ самой жизни! Но, все жъ, остается тоска по дружескому общенію. Не слѣдуетъ ли отсюда, что дружба-то и составляетъ послѣднее слово собственно-человѣческой стихіи христіанства, вершину человѣчности? Пока человѣкъ остается человѣкомъ, онъ ищетъ дружбы. Идеалъ дружбы—не врожденъ человѣку, а априоренъ для него: это—конститутивный элементъ его естества.

Іоаннъ Златоустъ² даже истолковываетъ всю христіанскую любовь, какъ дружбу. Въ самопожертвованіи ап. Павла, въ готовности его и въ геенну броситься ради любимыхъ, онъ видитъ „пламенную любовь“ дружбы.

„И хочу,—говоритъ онъ—, представить примѣръ дружбы. Друзья дороже отцовъ и сыновей,—друзья о Христвѣ“. Далѣе приводится примѣръ перво-христіанъ іерусалимской общины, изображенной въ Дн 4:2, 23. „Вотъ дружба, — продолжаетъ св. Отецъ—, когда кто не почитаетъ своего своимъ, но—принадлежащимъ ближнему, а собственность ближняго считаетъ чуждою для себя,—когда одинъ такъ

¹ Историческое описаніе Оптиной Пустыни. Вновь составлено Е[растомъ] В[ыторскимъ]. 1902, стр. 71.

² Иоаннъ Златоустъ.—Бесѣды первое на посланіе къ ессалоникѣямъ. Бес. 23 (Migne, —Patrol. ser. gr. T. 57 col. 404).

бережетъ жизнь другого, какъ свою собственную, а тотъ платитъ ему взаимно такимъ же расположеніемъ!“. Въ отсутствіи такой дружбы Златоустъ усматриваетъ грѣхъ человечества и источникъ всѣхъ бѣдствій и даже ересей. „Но гдѣ же скажутъ, можно отыскать такого друга? Именно, нигдѣ нельзя; потому что мы не хотимъ быть такими, а если бы захотѣли,—было бы можно и даже очень можно. Если бы это было въ самомъ дѣлѣ невозможно, то Христосъ не заповѣдалъ бы того и не говорилъ бы такъ много о любви. Великое дѣло дружба и въ какой мѣрѣ великое, того никто не можетъ понять, этого не выразить даже никакое слово, развѣ кто узнаетъ по личному опыту. Непониманіе ея произвело ереси; оно дѣлаетъ еллиновъ доселѣ еллинами“ и т. д.

Быть вмѣстѣ, со-пробывать требуется въ общинной, приходской жизни. Но тѣмъ болѣе это „со-“ относится къ дружеской жизни, гдѣ конкретная близость имѣетъ особую силу, и тутъ это „со-“ получаетъ гносеологическое значеніе. Это „со-“ разумѣемое какъ „несеніе тягостей“ другъ друга (Гал 6 2), какъ взаимное послушаніе, есть и жизненный нервъ дружбы и крестъ ея. И потому, на немъ, на этомъ „со-“ столько разъ настаивали опытные люди на всемъ протяженіи церковной исторіи.

Такъ, говоря о хожденіи монаховъ по два, Тома Кентерберійскій приводитъ народную пословицу: „Miles in obsequio famulum, clericus socium, monachus habet dominum“, т. е.: „для воина послушникъ—слуга, для клирика—со-товарищъ, для монаха—господинъ“.

Да; и всякая дружба, какъ и вообще жизнь христіанская въ этомъ смыслѣ есть монашество. Каждый изъ друзей безропотно смиряется предъ своимъ спутникомъ жизни, какъ слуга предъ господиномъ: тутъ вполне оправдывается французская пословица: „Qui a son compagnon, a son maître—у кого спутникъ, у того—и господинъ“. Въ этомъ-то и лежитъ послушаніе дружбы, несеніе креста Друга своего.

Вѣрность разъ завязавшейся дружбы, неразрывность дружбы, болѣе строгая, нежели неразрывность брака, твердость до конца, до „кровей мученическихъ“—таковъ основной завѣтъ дружбы, и въ соблюденіи его—вся сила ея. Много соблазновъ отступиться отъ Друга, много искушеній остаться одному или завязать новыя отношенія. Но кто порвалъ одни,

тотъ порветъ и другія, и третья, потомучто путь подвига подмѣненъ у него стремленіемъ къ душевному комфорту; а послѣдній не будетъ достигнуть, не можетъ и не долженъ быть достигнутымъ ни при какой дружбѣ. Напротивъ, каждый пройденный подвигъ придаетъ крѣпость дружбѣ. Какъ при кладкѣ стѣнъ, чѣмъ больше льютъ воды на кирпичъ, тѣмъ крѣпче стѣна, такъ и отъ слезъ, пролитыхъ изъ-за дружбы, она дѣлается лишь прочнѣе.

И было бы ошибкою думать, что слезы—только отъ недостатка любви. Нѣтъ, „существуютъ зерна, которыя проростаютъ въ нашей душѣ только подъ дождемъ слезъ, пролитыхъ изъ-за насъ; а между тѣмъ эти зерна приносятъ прекрасныя цвѣты и цѣлительныя плоды.---И я не знаю, рѣшился бы я полюбить человѣка, который никого не заставилъ плакать. Очень часто тѣ, кто наикрѣпче любилъ, наиболѣе заставлялъ страдать, ибо невѣдомо какая нѣжная и застѣнчивая жестокость обычно бываетъ безпокойною сестрою любви. Любовь ищетъ во всякомъ мѣстѣ доказательства любви, а кто не склоненъ находить эти доказательства прежде всего въ слезахъ любимаго?---Даже смерти не было бы достаточно, чтобы убѣдить любящаго, если бы онъ рѣшилъ выслушивать требованія любви, ибо мгновеніе смерти кажется слишкомъ краткимъ внутренней жестокости любви; по ту сторону смерти есть мѣсто для моря сомнѣній; тѣ, кто умираетъ вмѣстѣ, не умираетъ, быть можетъ безъ тревоги. Здѣсь нужны долгія и медленныя слезы. Скорбь—главная пища любви; и всякая любовь, которая не питается хотя бы немного чистою скорбію, умираетъ подобно новорожденному, котораго стали бы кормить, какъ взрослому.---Нужно,—увы!—, чтобы любовь плакала, и весьма часто именно въ тотъ самый моментъ, когда подымаются взрыды, цѣпи любви куются и закаливаются на всю жизнь“. ¹

Рано или поздно является внутренняя близость личностей, тѣснѣйшее сплетеніе двухъ внутреннихъ міровъ. „Прежде,—говоритъ одинъ изъ героевъ въ Шекспира—, прежде я любилъ тебя, какъ брата, но теперь уважаю тебя какъ душу свою“. Прежде отношеніе было поверхностное, внѣш-

¹ Maurice Maeterlinck.—„Le Trésor des Humbles“, 24-me édition, Paris 1901, „La bonté invisible“, pp. 236-237. Текстъ слегка измѣненъ.

нее; теперь перешло къ мистическимъ корнямъ друзей. Теперь уже общеніе душъ происходитъ не въ явленіяхъ, а глубже. Другъ по-милу хорошъ, а не по-хорошу милъ. Всякій внѣшній ищетъ моего, а не меня; Другъ же хочетъ не моего, но меня. И Апостоль пишетъ: „Ищу не вашего, но васъ—*οὐ γὰρ ζητῶ τὰ υμῶν, ἀλλὰ υμᾶς*“ (2 Кор 12 14). Внѣшній домогается „дѣла“, а Другъ—„самого“ меня.¹ Внѣшній желаетъ твоего, получаетъ изъ тебя, отъ полноты, т. е. часть, и часть эта таетъ въ рукахъ, какъ лѣдъ. Только другъ, желая тебя, каковъ бы ни былъ ты, получаетъ въ тебѣ все, полноту, и богатѣетъ ею. Получать отъ полноты—легко: это значить жить на чужой счетъ. И давать отъ полноты не трудно. Получать же полноту трудно, ибо нужно сперва принять самого Друга, и въ немъ найти полноту, а Друга нельзя принять, не отдавая себя; давать же себя трудно. Поверхностный и периферическій даръ требуетъ такой же отплаты; а нутряной и центральный даръ требуетъ и отдачи нутряной и центральной. Поэтому, щедрою рукою разбрасывай внѣшнимъ отъ полноты своей, изъ себя; не скупись въ своемъ. Но только Другу своему,—тайно—, передай скудость свою,—себя, да и то не ранѣе, какъ скажетъ тебѣ Другъ твой: „Не твоего прошу,—тебя; не твое люблю,—тебя; не о твоёмъ плачу,—о тебѣ“.

Когда же у друзей настанетъ откровеніе каждаго въ каждомъ, тогда вся личность съ ея полнотою дѣлается прозрачною,—до предвидѣнія того, что сокровенно, до ясно-зрѣнія и ясно-слышанія.

„Въ каждой дружбѣ, сколько-нибудь продолжительной,—говоритъ М. Метерлинкъ—, наступаетъ таинственный моментъ, когда мы начинаемъ различать, такъ сказать, точное мѣсто нашего друга относительно неизвѣстнаго, окружающаго его, положеніе судьбы относительно него. Вотъ съ этого-то момента онъ дѣйствительно принадлежитъ намъ.--- Непогрѣшимое вѣдѣніе, кажется, безпричинно зародилось въ нашей душѣ въ тотъ день, когда глаза наши открылись такимъ образомъ, и мы увѣрены, что такое-то событіе, кото-

¹ См. во 2-мъ выпускѣ „Вопросовъ религіи“ „Столицъ и утвержденіе истины“. Письмо седьмое, гдѣ устанавливается различіе между „дѣломъ“

рое, кажется, уже, подкарауливаетъ такого-то человѣка, не сможетъ настичнуть его. Съ этого момента особая часть души царитъ надъ дружбою существъ даже самыхъ темныхъ.— Происходить какъ бы перестановка жизни. И когда мы встрѣчаемъ случайно одного изъ тѣхъ, кого мы узнали такъ, и говоримъ съ нимъ о падающемъ снѣгѣ или о проходящихъ женщинахъ, то есть въ каждомъ изъ насъ что-то, что привѣтствуетъ другъ друга, рассматриваетъ, вопрошаетъ помимо нашего вѣдома, интересуется случаями и разговариваетъ о событіяхъ, которыя невозможно намъ понять".¹

Но это взаимное проникновеніе личностей есть задача, а не изначальная данность въ дружбѣ. Когда оно достигнуто, дружба силою вещей дѣлается нерасторжимой, и вѣрность личности Друга перестаетъ быть подвигомъ, потому что не можетъ быть нарушена. Пока же такое, высшее единство не достигнуто, вѣрность есть и всегда считалась церковнымъ сознаниемъ за нѣчто необходимое не только ради сохраненія дружбы, но и ради самой жизни друзей. Соблюденіе разъ начатой дружбы даетъ все, нарушеніе же является нарушеніемъ не только дружбы, но и подвергаетъ опасности самое духовное существованіе отступника: вѣдь души друзей уже начали сростаться.

Приведу два житійныхъ повѣствованія, выясняющихъ церковный взглядъ на этотъ предметъ.—О нарушеніи дружественной любви и о грозныхъ послѣдствіяхъ такого нарушенія говоритъ въ свое время весьма распространенная и популярная „повѣсть“ „О двою брату подуху, о евагріи діаконѣ, и титѣ попѣ“:²

„Два брата бѣста подуху восвятой обители печерской евагріи діаконъ, титъ же попъ, имѣста же любовь велику и нелицемѣрну между собою, яко всѣмъ дивитися единоумію ихъ и безъмѣрной любви. Ненавидѣйже добра діаволь, яже

¹ Maurice Maeterlinck.— „Le Trésor des Humbles, 24-me édition, Paris 1901, p. p. 198-200.

² Ради колоритности заимствую текстъ этого повѣствованія изъ рѣдчайшаго „Алфавитнаго Патерика“, печатаннаго въ Супрасльской типографіи въ 1791 году и носящаго полное заглавіе „Собраніе словесъ и дѣяній преподобныхъ отецъ скитскихъ яже обрѣтаются в'патерицѣхъ' по алфавиту“, знаменіе Г (10), глава ГГ (33), лл. ГГІ—ГГІІ.—Экземпляръ этого наиболее полнаго изъ всѣхъ существующихъ патериковъ хранится въ Библиотекѣ Московской Духовной Академіи (Гор. 4151).

всегда рыкаетъ яко левъ, ища кождо поглотити, и сотвори в'ражду и ненависть межъ ими. Яко и влице нехотяху видѣти другъ друга, и уклоняхуся другъ отъ друга, многождыже братіа моливше ихъ. еже хотяху егдаже стояше въцеркви евагрія, идушуже титу скадилницею, отбѣгаше евагріи еиміана, егдажели небѣгаше. то преминоваше его титъ некадивъ, и пребысть много время во мрацѣ грѣховнѣмъ. титъ убо служаше прощеніа невозмя, евагріиже комъкаше гнѣваема¹, насе врагу вооружившу ихъ. Нѣкогдаже тому титу разболѣвшуся вельми, и уже вначаніи лежащу, паче плакатиса своего лишеніа. и посла съмоленіемъ къдіакону глагола: прости ма брате Бога ради, яко безума гнѣвахса на-та. Си же жестокиими словѣсы проклинаше его, старцыже тѣи видѣвше тита умирающа, влечаху евагріа нуждею дапроститиса з'братомъ. болныиже видѣвъ брата, мало восклонивса паде ниць пред'ногама его сослезамі глагола: простима отче и благослови; онъже немилостивый и лютыи отвержеся предъвсѣми глагола; николиже сънимъ хошу прощеніа имѣти, ни в'си вѣкъ нив'будущи, и абіе исторгъса отрукъ старцевъ тѣхъ падеса, и хотѣвшимъ воставити его. и обрѣтоша его мертва. и немогаша ему нируку протягнути ниустъ свести. яко давно уже умерша, болныиже скоро воставъ, яко николиже болѣвъ. ужасошажеся старцы овапраснѣй смерти его. и оскоромъ исцѣлѣніи того. и много плакавъше погребоша евагріа, отверсты имуща уста и очи, и руцѣ растажены. Вопросышаже тита что се сотвориса: тотъже исповѣдаше отцемъ глагола: видѣхъ рече аггелы отступльша отмене, и плачущеся одуши своей [т. е. моей] бѣсияже радующа огнѣвѣ моемъ, и тогда начахъ молити брата дапроститъ ма. егдаже приведоша его ко мнѣ и видѣхъ аггела немилостива держаша пламенное копіе, и егдаже непростима, удари его и падеса мертва. мнѣже подасть руку и воз'стави ма. Рече авва іаковъ: якоже свѣтильникъ вътемнѣ ложницѣ просвѣщаетъ ю. тако и страхъ божіи ввидеть въ сердце человекъ. просвѣщаетъ его и учить всѣмъ заповѣдемъ божимъ.“

Чтобы пояснить теперь, что именно я называю вѣрностью дружбы, приведу разсказъ блаженнаго Іоанна Мосха о двухъ Іерусалимскихъ подвижникахъ-друзьяхъ. Вотъ этотъ

¹ т. е. пріобщался въ состояніи гнѣва.

благоуханный цвѣтокъ съ безыскуснаго и полнаго благодатной простоты „Луга Духовнаго“¹:

„Говорилъ авва Іоаннъ отшельникъ, по прозванію „Огненный“:

Я слышалъ отъ аввы Стефана Моавитскаго:

Однажды мы были въ монастырѣ великаго киновіарха (τοῦ μεγάλου κοινοβιάρχου) св. Θεοδοσία. Были тамъ два брата сотворившіе клятву—ни въ жизни, ни въ смерти своей не разлучаться другъ отъ друга. Ну, хотя были они въ киновіи строителями всѣхъ,—одинъ братъ подвергся блудной брани и, не имѣя силъ перенести брань, говоритъ брату своему: „Отпусти меня, братъ! Потому что одолеваетъ меня блудъ, и намѣреваюсь я уйти въ міръ“. Братъ же началъ увѣщать его и говорить:

— Нѣтъ, братъ, не губи своего труда.

Тотъ же говоритъ ему:

— Или иди вмѣстѣ со мною, чтобы я сотворилъ дѣло, или отпусти меня уйти.

Братъ же, не желая отпустить его, ушелъ съ нимъ въ городъ. Ну, вошелъ въ притонъ блудницы подвергшейся брани братъ; а другой братъ, стоя наружи, персть взявъ отъ земли, началъ сыпать на свою голову и сокрушалъ себя сильно. Ну, когда вышелъ вошедшій въ блудилище, сотворивъ дѣло, говоритъ ему другой братъ:

— Что пользы, братъ мой, получилъ ты отъ этого грѣха? Не повредилъ ли ты себѣ, наоборотъ? Пойдемъ обратно въ свое мѣсто.

— Онъ же говоритъ ему:

— Ужъ болѣе не могу я итти въ пустыню. Ты, значить, ступай. Вѣдь я останусь въ міру.

Ну, когда послѣ многихъ стараній онъ всетаки не убѣдилъ его слѣдовать за нимъ въ пустыню, то и самъ остался съ нимъ въ міру и оба начали они работать, чтобы кормиться.

Въ то время авва Авраамій, недавно состроившій свою обитель, такъ называемыхъ „авраамитовъ“, сдѣлавшись затѣмъ архіепископомъ ефесскимъ,—благолѣпный (καλός)

¹ Іоаннъ Мосхъ Евкратъ.—„Лугъ Духовный“, гл. 97 (Migne,—Patrolog. ser. gr., T. 87a. coll. 2956--2957).

и кроткій пастырь—, созидаль свой монастырь,—, такъ называемый, „византійцевъ“. Ну, отойдя, оба брата стали работать тамъ и получали плату. И впавшій въ блудъ получалъ плату обоимъ и отпралялся каждый день въ городъ, и тратилъ ее на распутство. Другой же—каждый день постился и съ великимъ молчаніемъ былъ, дѣлая дѣло,—не говоря ни съ кѣмъ. Мастеръ, видя его каждодневно не дѣлающимъ, не разговаривающимъ, но всегда сосредоточеннымъ, говорятъ о немъ и объ его образѣ жизни иже во святыхъ аввъ Авраамію. Тогда великій Авраамій призываетъ труженика въ свою келлію и спрашиваетъ его, говоря:

— Откуда—ты, братъ? и какое у тебя занятіе?

Онъ же все исповѣдалъ ему и говоритъ: „Ради брата я все терплю, чтобы Богъ, видя скорбь мою, спасъ брата моего“.

Услыхавъ это, божественный Авраамій говоритъ ему:

— И Господь даровалъ тебѣ душу брата твоего!

Ну, какъ только отпустилъ авва Авраамій брата, и тотъ вышелъ изъ келліи, какъ вотъ предъ нимъ—братъ его, восклицая:

— Братъ мой, возьми меня въ пустыню, чтобы спастись мнѣ!

Немедленно, значить, взявъ его онъ удалился въ пещеру, близъ святого Иордана, и затворилъ его тамъ, и немного времени спустя, весьма продвигнувшись впередъ къ Богу духомъ, тотъ скончался. Оставался же братъ въ той пещерѣ согласно клятвѣ, чтобы и самому скончаться тамъ же.“

Вотъ еще нѣсколько черточекъ дружбы, обрисовываемыхъ самую жизнью.—Послѣ смерти одного изъ близкихъ мнѣ достался его дневникъ. Среди многихъ другихъ жизненныхъ затрудненій покойный мучился этимъ трагизмомъ дружбы, этой необходимостью положить душу свою за друга,—собственно и точнѣе—,—кажущуюся бессмысленностью такой жертвы. И, думается, было много взаимнаго непониманія. Мнѣ думается также, что покойный такъ и не сумѣлъ смириться до конца. Но для поясненія мысли моей, для конкретности представленій о дружбѣ его замѣтки даютъ довольно цѣнный матеріалъ. Привожу почти наудачу нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ мѣстъ этого дневника почти въ ихъ сыромъ видѣ:

„М*** спитъ еще, высыпается отъ заутрени и обѣдни. Но моя мысль непрестанно возвращается къ нему и гонитъ

сонъ. М*** положительно беспокоитъ меня. Что я для него дѣлаю? Что я даю ему? Онъ боленъ—и тѣломъ и душою. Онъ скучаетъ, ему пусто на душѣ. И ни одной крупики содержанія я не-далъ ему доселѣ. А вѣдь я,—хорошо чувствую это—, долженъ буду отвѣтить за него Богу. Я даже о ближнемъ не умѣю пешихъ. Вѣдь Евангеліе отмѣнило то метафизическое пониманіе ближняго, согласно которому „ближній“, *ὁ πέλας*, есть родственникъ и т. д., однимъ словомъ, человѣкъ связанный не воззрительно-пространственными связями, а иными, болѣе онтологичными, и установило геометрическое пониманіе ближняго. Ближній“, *ὁ πέλας*, есть тотъ, кто близко, *πέλας*, подъ-бокомъ. Съ кѣмъ столкнулся, съ кѣмъ случилось быть близко—о томъ и заботься. А бросилъ одного,—что ручается тогда за твою вѣрность всякому другому? Нечего залетать въ надзвѣздные края. Довольно, довольно съ насъ платонизма! М***—мой ближній, ибо онъ—самый близкій ко мнѣ,—въ одной комнатѣ со мною. Но, Господи! научи меня, что дѣлать мнѣ, чтобы дать ему мира и радости,—черезъ меня чтобы приобрѣлъ М*** успокоеніе.“

* * *

„Есть вещи, относительно которыхъ о человѣкѣ долженъ заботиться не самъ онъ, а другъ его. А если другъ не хочетъ заботиться?—Тогда не должно заботиться никому. Если другъ игнорируетъ гибель свою и друга, то надо гибнуть. Надо падать, не рассчитывая на пощаду и остановку.—Сегодня—пьянство, завтра—еще что-нибудь, послѣ-завтра—еще, послѣ-послѣ-завтра—то, послѣ - послѣ - послѣ - завтра—другое и т. д. и т. д. Изъ дня въ день разрушается душа. Изъ дня въ день опустошается душа. Изъ дня въ день дѣлается все бессмысленнѣе жизнь. И нѣтъ надежды на просвѣтъ, нѣтъ надежды на что бы-то ни было лучшее. Нѣтъ надежды на чистоту.—Ниже и ниже. Плотянѣе и плотянѣе. Жаль его, и не смѣю оставить его. А съ нимъ—надо гибнуть. Съ нимъ—надо падать. Уходитъ время,—часы, недѣли и мѣсяцы. Уходятъ силы, уходитъ здоровье. Все уходитъ. Ничего не остается. И не только нѣтъ надежды на лучшее будущее, но, напротивъ, есть полная увѣренность въ худшемъ: такъ пойдетъ и далѣе,—все хуже и хуже. Опустошенная душа. Земле-

вѣющая душа. Могильный камень надавливаетъ грудь. И, вдобавокъ, ложь: „Ты спишь?.. Я пойду поговорить“. Все это—неправда!—И вѣрно говорилъ М***: „Не суйся“. Попытался, сунулся,—и гибну, и никому не могу помочь. „Вкушавъ вкусихъ мало меду, и се азъ умираю“. Надо уходить отсюда. Меня сдерживала ранѣе мысль о Богѣ. А теперь цѣпь вдвое крѣпче,—отъ жалости. Жаль М***. Чтò съ нимъ будетъ? Какъ онъ обойдется безъ меня? Бѣдный. И терпишь. А все же, надо уходить.“

* * *

„Господи, Боже мой! Неужели жизнь—въ этомъ? Жизнь средняго, слабосильнаго, обыкновеннаго человѣка,—неужели она—въ этомъ? Господи Иисусе! Неужели вся жизнь—въ этомъ? Господи! Научи меня: какъ быть, какъ одернуть М***? Какъ одернуть себя отъ грѣховъ и отупѣнiя. Ой, страшно, страшно, Господи! Страшно за себя и за другихъ,—страшно за душу человѣческую.—Такъ или иначе, надо уходить отсюда: либо умереть, либо въ монастырь. Въ пустыню, Господи, въ пустыню возьми меня, потащи силой меня, если ничего я не могу сдѣлать ни съ собою, ни съ М***, и ни съ кѣмъ. Съ собою ничего не сдѣлать,—какъ же другому помочь? И я знаю, что М*** съ того момента пошелъ внизъ, когда увидалъ, что я не справился съ собою. Быть можетъ, это случилось бы и безъ меня, но это было бы позже. А теперь, какъ ни перетолковывать дѣйствительности, все равно виновать все же я и я, и только я одинъ.

Говорятъ: „Го — пустякъ“. Да, „тò — пустякъ“, „ѣто — пустякъ“. Пусть. Но вѣдь въ такомъ случаѣ естественно же задать вопросъ: Чтò же есть положительное, что есть хорошаго: чтò есть то, что—не пустякъ?—Ничего, ничего, ничего! Въ томъ-то и бѣда, что вся жизнь—мусоръ, чтò во всей жизни нѣтъ ничего хорошаго. Пусть лучше—жизнь исполненная грѣха, съ сознаниемъ, что—грѣхъ, нежели чѣмъ дыра и пустота. чѣмъ это безразличie святости и грѣха, Бога и дiавола,—чѣмъ это „окаменѣнное нечувствiе“.

* * *

„Отъ всякаго серьезнаго разговора, о вещахъ ли объективныхъ, или лично насъ касающихся, М*** явно уклоняется.

Существенныя дѣла требуютъ разрѣшенія.—Онъ тянетъ, не хочетъ сказать, а если пытаешься самъ сдѣлать какое-нибудь рѣшеніе,—то гнѣвается и раздражается. Мертвая точка, да и только. Онъ ласковъ тогда и только тогда, когда поддакиваешь ему въ отчаяніи его и своемъ. Но пикни только супротивъ,—и онъ выходитъ изъ себя, или дуется по цѣлымъ днямъ. И я,—и я тоже думаю, потому что не знаю, что же мнѣ дѣлать, какъ быть. Господи! Господи! помоги моему неумѣнію! моему грѣху! моему невѣжеству! моему отчаянію и М---му! Онъ не хочетъ думать ни о комъ и ни о чемъ,—хотя по природѣ совсѣмъ не эгоистъ.—„Тамъ, на кухнѣ спать“ [т. е. не ходи туда].—„Ну, такъ что жъ? А мнѣ какое дѣло“.—Ну, будетъ. Словно жалуясь на кого-то. Больше надо молиться, вотъ что“.

* * *

„Половое воздержаніе, если оно не сопровождается возбужденнымъ состояніемъ,—не вредно фізіологически или во всякомъ случаѣ не особенно вредно, а въ отношеніи оккультномъ и мистическомъ даже служить къ выработкѣ новыхъ способностей. Но воздержаніе, связанное съ возбужденностью, т. е. съ представляваніемъ выхожденія изъ себя чрезъ полъ,—вредно, и тѣмъ вреднѣе, чѣмъ ярче образы воображенія: душа грязнится и гниетъ, равно, какъ и тѣло гибнетъ. Быть можетъ, главный вредъ—отъ постоянной неудовлетворенности.—Не то же ли самое надо сказать и относительно выхожденія изъ себя чрезъ душевное общеніе,—въ дружбѣ. Вѣдь бракъ есть „два въ плоть едину“, дружба же—два въ душу едину. Бракъ есть едино-плотіе, *биобаржіа*, а дружба—едино-душіе, *биофрѣзіа*. Одиночество, если оно не имѣетъ своимъ привязчивымъ спутникомъ постоянной мысли о другѣ,—не вредно и даже полезно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—напримѣръ для подвига молчаливства. Но представляваніе въ одиночествѣ дружбы дѣйствуетъ вредно, особый же вредъ для личности, особенное опустошеніе личности, умираніе ея происходитъ тогда, когда, желая дружбы и думая о дружбѣ, человекъ вынужденъ толочься на людяхъ, общаться, безъ дѣйствительной дружбы,—не выходя изъ себя воображать себя—выходящимъ и вести себя—, какъ если бы было на самомъ дѣлѣ такое выхожденіе. Не полу-

чая духовнаго удовлетворенія, но вѣчно бѣгая за нимъ и около него, онъ дразнить себя мечтой воображенія и на нее утекають всѣ его духовныя силы.

Не такъ ли и со мною?—Но, если и такъ, все же я не могу, не смѣю, не долженъ оставить М***. Пусть нѣтъ ничего и пусть ждетъ меня духовная (а, можетъ быть, и не только духовная) могила! Пусть! Но я не оставлю его. Если гибнуть, то вмѣстѣ. Не умѣли жить вмѣстѣ, ну—погибнемъ вмѣстѣ“.

На этомъ пока покончимъ выдержки изъ дневника.

Дружба даетъ высшую радость, но она же требуетъ и строжайшаго подвига. Каждый день, часъ и минуту со скорбью погубляя душу свою предъ Другомъ, Я въ радости обрѣтаеть ее возстановленной. Какъ *ἀγάπη* къ человѣку порождаетъ *φιλία* къ нему, такъ и тутъ, въ дружбѣ, въ *φιλία* воплощается, словно въ жизненной средѣ, державная *ἀγάπη*. Божественная агапическая любовь пресуществляетъ любовь филическую, и на этой вершинѣ человѣческаго чувства, подобно облакамъ, задѣвающимъ дву-единный Арапъ, горнее клубится надъ дольнымъ: „Больше сей любви (*ἀγάπην*) никто не имѣеть, чтобы кто душу свою положилъ за друзей своихъ (*ὅτις τὸν φίλον αὐτοῦ*)“ (1о 15 13). Наибольшая агапическая любовь осуществима только въ отношеніи къ друзьямъ,—не ко всѣмъ людямъ, не „вообще“. Она—въ положеніи души за друзей. Но было бы черезчуръ упрощеннымъ то пониманіе, согласно которому положить душу за друзей это значить умереть за нихъ. Смерть за друзей—это лишь послѣдняя (—не труднѣйшая!—) ступень въ лѣствицѣ дружбы. Но, прежде чѣмъ умереть за друзей, надо быть ихъ другомъ, а это достигается подвигомъ долгимъ и труднымъ. Одинъ изъ героев Ибсена говоритъ: „Можно умереть за жизненную задачу другого, но нельзя жить для жизненной задачи другого“. Однако, сущность дружбы—именно въ погубленіи души своей ради друга своего. Это—жертва укладомъ всей своей организаціи, своею свободою, своимъ призваніемъ. Кто хочетъ спасти душу свою, тотъ долженъ положить ее за друзей всю; и не оживетъ она, если не умереть.

Дружба необходима для подвижнической жизни; но она неосуществима человѣческими усиліями и сама нуждается въ помощи. Какъ же, именно, психологически и мисти-

чески запечатлѣть естественное стремленіе къ дружескому единству? Посредствомъ чего получается дружба благодатную помощь и чѣмъ скрѣпляется для сознанія принятое рѣшеніе?—Какія связи связываютъ дружбу, такъ что она перестаетъ быть субъективнымъ хотѣніемъ и становится объективною волею? Вѣдь чтобы всегда побѣждать свою самость, чтобы тысячи разъ срачивать соединительные нервы дружбы, неизбежно рвущіеся и отъ грѣха друзей и отъ воздѣйствій извнѣ,—для этого необходима какая-то памятка, нѣчто конкретное, съ чѣмъ ассоціировалось бы внутреннее рѣшеніе все претерпѣть,—до конца; и, кромѣ того, нуженъ таинственный токъ энергіи непрестанно обновляющій первое, ослѣпительное время дружбы.

Такою крѣпостью дружбы служить, во-первыхъ, „естественное таинство“,—да извинить читатель это неподходящее слово-сочетаніе!—, побратимства или братованія и, во вторыхъ, на немъ, какъ на плодоносной природной почвѣ, произросшій особый благодатный обрядъ,—„чино-послѣдованіе на брато-твореніе“, *ἀχολουθία εἰς ἀδελφοποίησιν* или *εἰς ἀδελφοποίησιν*. Не стану тутъ разбирать ни того, ни другого, ибо такой разборъ вывелъ бы насъ изъ области теософій и личныхъ религіозныхъ переживаній въ область литургики. ¹ Замѣчу только, что побратимство въ существен-

¹ Собранные мною матеріалы о братованіи литературныя ссылки войдутъ въ отдѣльную статью. Пока же приведемъ частично литературу по вопросу о братотвореніи и побратимствѣ.

Протоіерей Константинъ [Т.] Никольскій,—О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужбныхъ книгахъ. СПб. 1885.—На стр. 370—388—„чинъ о братотвореніи“; въ приложеніи даны чины братотворенія изъ разныхъ требниковъ.

J. Goar.—Euchologion graecum. Lutetiae Parisiorum 1647, *cap.* 898—900: *ἀχολουθία εἰς ἀδελφοποίησιν*.

А. [С.] Павловъ,—50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практический источникъ русскаго брачнаго права. М. 1887. III 1, стр. 187-190.

А. [С.] Павловъ,—Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. М. 1897. Статья 165, стр. 310-313: запрещеніе братотворенія и мотивы этого запрета.

Связи. М. [И.] Горчаковъ,—О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей книги. СПб. 1880.

[А. В. Горскій и К. П. Невоструевъ],—Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки (книги богослужбныя). Отд. III. Ч. 1. М. 1869. № 371 стр. 128; № 377 стр. 206.

номъ слагается изъ реального объединенія посредствомъ **обмѣна кровью, обмѣна именами** (иногда также: рубашками, одеждою, оружіемъ), со-вкушенія священной пищи, клятвы въ вѣрности и поцѣлуя, при чемъ въ данную конкретную форму побратимства эти элементы могутъ входить не всѣ заразъ. Ясно, что побратимство соотвѣтствуетъ естественному религиозному сознанію. Въ **брато-твореніи** же христіанскомъ замѣняется обмѣнъ кровью и со-вкушеніе—со-причащеніемъ св. Даровъ—Крови Христовой, а обмѣнъ именъ—обмѣномъ тѣльныхъ крестовъ (что соотвѣтствуетъ обмѣну крещальныхъ именъ). Полу-церковное, полу-народное **брато-твореніе** совершается чрезъ обмѣнъ крестовъ, клятву въ братской любви и вѣрности предъ иконою въ храмъ и поочередное держаніе (во время Херувимской) въ рукѣ зажженной свѣчи.

Чинъ же церковнаго брато-творенія имѣетъ различные изводы, но главнѣйшіе его моменты—слѣдующіе:

1^о,—поставленіе братующихся въ храмъ предъ налоемъ,

Е. [Е.] Голубвицкій,—Исторія русской Церкви, Т. I. 2. Періодъ первый. кievскій или домонгольскій. М. 1881. Гл. V, отд. 2, стр. 398 и дополн. на стр. 784.

Сказаніе о блаженномъ Петрѣ царевичѣ ордннскомъ. Одна редакція этого трогательнаго сказанія носитъ заглавіе „Житіе святаго отца Кириля, архіепископа Ростовскаго, како ходи въ татарове съ честію, како явися святая Богородица съ младенцемъ и святымъ Николою и святымъ Дмитріемъ великомученикомъ, како явитсяя отроку“. Она находится въ Сборникѣ (подъ № 854 въ 4 д.) Казанской Духовной Академіи и напечатана въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, 1859 г., Ч. I, стр. 360-376 (N. В. стр. 371-372). Относится ко времени „не позже XVI в.“—Другая редакція, подъ заглавіемъ: „Житіе блаженнаго Петра, братаиича царева Беркина. Како приде во страхъ Божій и умилнлся душею и пришеде изорды въ Ростовъ крестився и како видѣнне видѣ святыхъ апостоль Петра и Павла на поли. Идѣже нынѣ церковь стоитъ святыхъ апостоль Петра и Павла“—помѣщена въ Сборникѣ XVII в. житій святыхъ принадлежавшемъ проф. В. Н. Григоровичу. (см. „Нрав. Соб.“, id., стр. 357, прим.).

А-дръ Н. Веселовскій,—Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальной обрядности („ЖМНП“, 1894, февраль. Т. 291, стр. 287-318). Тутъ приводятся обильныя библиографическія справки.

Brückner,—Heber pobratimstvo bei Polen und Russen im XVI. Jahrh. (Archif f. slavische Philologie,—herausg. von V. Jagic. 1893, В. I. XV. SS. 314-315: kleine Mittheilungen).

на которомъ лежитъ Крестъ и Евангеліе; при этомъ старшій изъ братующихся стоитъ десную, младшій же—ошуюю.

2^о,—молитвы и ектеніи, испрашивающія побратимамъ соединенія въ любви и приводящія имъ на память церковно-историческіе примѣры дружбы.

3^о,—связываніе братующихся однимъ поясомъ, положеніе ихъ рукъ на Евангеліе и врученіе имъ по зажженной свѣчѣ.

4^о,—чтеніе Апостола (1 Кор 12 27-138) и Евангелія (1о 17 18-26).

5^о,—еще молитвы и ектеніи, подобныя указанныя въ 2^о.

6^о,—чтеніе „Отче нашъ“.

7^о,—пріобщеніе побратимовъ преждеосвященными св. Дарами,—общая чаша.

8^о,—обвожденіе ихъ, держащихся за руки, вокругъ аналоя, при пѣніи тропаря:

„Господи, призри съ небеси и виждь...“

9^о,—обмѣнъ поцѣлуемъ.

10^о,—пѣніе: „Се какъ добро и какъ красно, во еже жити братіи вкупѣ“.

Иногда сюда присоединяется и обмѣнъ тѣльными крестами; но возможно, что онъ не вошелъ существеннымъ элементомъ въ чино-послѣдованіи въ виду того, что побратимы уже до брато-творенія мѣнялись крестами. Наряду съ сопричащеніемъ этотъ обмѣнъ есть самый важный идейный моментъ чино-послѣдованія—, во первыхъ, какъ знакъ взаимнаго кресто-ношенія братующихся, а во вторыхъ какъ обрядъ, дающій каждому изъ „названныхъ братьевъ“ памятку о само-отреченіи и о вѣрности другу.

Приложеніе:

ЭКСКУРСЪ О РЕВНОСТИ.

Обсужденіе любви вообще и дружбы въ частности, и въ ихъ конкретной жизненности, почти неизбѣжно подымаетъ вопросъ о явленіи тѣснѣйше съ ними связанномъ,—о ревности. Что практически этотъ вопросъ выдвигается на первую линію по важности,—о томъ едва ли возможно двоякое мнѣніе. Но, мнѣ думается, не достаточно сознается большинствомъ мыслителей его теоретическая важность:

въ философской литературѣ понятие ревности загнано куда-то на задворки и рѣдко-рѣдко когда его удостаиваютъ взглядомъ. Вотъ почему мнѣ кажется не излишнимъ присоединить къ настоящей статьѣ небольшой экскурсъ о ревности. Полагаю, что уясненіе понятія ревности служить, вмѣстѣ, къ уясненію самаго понятія дружбы и любви.

Итакъ, чтò же такое ревность?—

Въ ходячемъ, интеллигентскомъ слово-употребленіи ревность понимается какъ порокъ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ безспорный нравственный недостатокъ. Въ основѣ ревности интеллигенціей принято усматривать и гордость, и тщеславіе, и самолюбіе, и подозрительность, и недовѣріе, и мнительность,—словомъ, все что угодно, но только не какое-либо моральное преимущество.

„Гордость и тщеславіе дѣлаеть ревнивыми столько же людей, сколько и любовь“,—сказалъ Буастъ.—„Любовь ревнивецъ походить на ненависть“,—свидѣтельствуеетъ Мольеръ.—„Ревность происходитъ болѣе отъ тщеславія, чѣмъ отъ любви“,—признаеетъ Мадамъ де-Сталь.—„Въ ревности бываетъ часто болѣе самолюбія, нежели любви“,—указываетъ Ля-Рошфуко.—„Ревность грубая, это—недовѣріе къ любимому предмету; ревность деликатная, это—недовѣріе къ самому себѣ“,—разсуждаетъ нѣкто.—„Самые ревнивые изъ всѣхъ любовниковъ, это—любящіе славу“,—наблюдаетъ Трюблэ.—„Ревнивецъ, это—ребенокъ, который пугается чудовищъ, созданныхъ въ потемкахъ его воображеніемъ“,—думаетъ Буастъ.—„Ревнивецъ проводитъ свою жизнь въ отыскиваніи тайны, открытіе которой нарушаетъ его благополучіе“,—подмѣчаетъ Оксенштирнъ. Эту мысль, облакаетъ игрою словъ Шлейермахеръ или Грилльпарцеръ: „Die Eifersucht mit Eifer sucht, was Leiden schafft“, ¹ т. е. „ревность съ рвеніемъ ищетъ то, что доставляетъ страданіе“, или: „что страсть“, т. к. въ произношеніи слышится „Leidenschaft“; каламбуръ, который можно передать приблизительно чрезъ: „ревность ревностно ищетъ, что страсть“.—„Изъ недуговъ ума ревность есть тотъ, нищею которому служить наибольшее число вещей, а лекарствомъ—наименьшее“,—опредѣляетъ

¹ Fr. Kirchner,—Wörterbuch der Philosophischen Grundbegriffe, 3 te Aufl., Lpz., 1897. S. 106, Art. Eifersucht.

Ноэль.—„У ревности глаза рысья“,—говорить Беллами.— Поэтому любовь и ревность несоединимы. „Когда самолюбие господствуетъ надъ ревностью, любовь потеряла свою власть“,— утверждаетъ Ленгрэ.—„Ревность гаситъ любовь, такъ же какъ пепель гаситъ огонь“,—пишетъ королева Наваррская.— „Сильныя страсти выше ревности“,—читаемъ у Ля-Рошфуко.¹ Это,—нѣсколько расплывчатое,—житейское пониманіе ревности нашло себѣ законченную и психологически мотивированную форму въ отчеканномъ опредѣленіи ревности, данномъ Барухомъ Спинозою. Любовь, полная ненависти къ любимому предмету и зависти къ другому, пользующемуся любовью перваго, есть,—по Спинозѣ—, ревность. Спиноза тутъ чрезвычайно удачно пользуется образомъ смѣшенія двухъ жидкостей, когда онѣ, проникая одна въ другую, струятся и мутнѣютъ,—что обозначается терминомъ *fluctuatio*. Такъ и при ревности: любовь и ненависть, смѣшиваясь, образуютъ *fluctuatio*, „струеніе“ души, вслѣдствіе чего сознаніе мутнѣетъ и дѣлается непрозрачнымъ.

Ревность,—по Спинозѣ—, есть такое именно „струеніе души“, происходящее заразы отъ любви и ненависти, сопровождающейся идеей другого, которому душа завидуетъ: „*Nos odium erga rem amatam Invidiae junctum Zelotypia vocatur, quae proinde nihil aliud est, quam animi fluctuatio orta ex Amore et Odio simul, concomitante idea alterius, cui invideret*“.²

Вотъ какими разсужденіями приходитъ Спиноза къ этому своему классическому опредѣленію ревности.

Любовь, говоритъ онъ, стремится ко взаимности, и притомъ къ совершеннѣйшей взаимности. Всякое умаленіе и всякій ущербъ, испытываемые нами въ этомъ отношеніи, ощущаются какъ само-умаленіе, т. е. причиняютъ сильнѣйшую скорбь. Совершеннѣйшая взаимная любовь есть любовь всепоглащающая; мы хотимъ сполна обладать ею, она—наше высшее счастье, которое мы ни съ кѣмъ не хотимъ дѣлить

¹ Въ приведенные выше афоризмы заимствованы изъ сборника: Н. Макаровъ,—Энциклопедія ума или словарь избранныхъ мыслей авторовъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. СПб., 1878, стр. 271-272.

² В. de Spinoza,—*Ethices pars prima. Propositio XXXV, Scholium* (Benedicti de Spinoza Opera quotquot reperta sunt. Recognoverunt J. Van Vloten et S. P. N. Land, Vol. I. Hagae Comitum, 1882, p. 151).

и никому не хотимъ удѣлять. Если любимое существо любить кого-либо другого болѣе, чѣмъ насъ, то мы ощущаемъ себя безгранично несчастными. Причина нашего несчастья есть предметъ нашей ненависти; слѣдовательно, мы будемъ ненавидѣть возлюбленнаго, потому что онъ лишаетъ насъ своей взаимности, и завидовать тому, кто пользуется этой взаимностью. Такъ возникаетъ любовь, которая одновременно ненавидитъ и завидуетъ,—ревность. Эта страсть особенно сильна, если нашимъ счастьемъ завладѣлъ другой; и, чѣмъ сильнѣе было счастье, тѣмъ ярче разгорается ревность, такъ что она, если не укротить ее какая-нибудь иная сила, затемнить всю нашу душу: ненависть къ любимому предмету тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе была ранѣе любовь. ¹

Вотъ важнѣйшія относящіяся сюда теоремы ²:

Прор. XXXV „Si quis imaginatur rem amatam eodem vel arcuore vinculo Amititiae quo ipse eadem solus potiebatur, alium sibi jungere, Odio erga ipsam afficiebatur, et illi alteri inuidebit“ (р. 151).—„Если кто воображаетъ, что любимая имъ вещь находится съ кѣмъ-либо другимъ въ такой же или еще болѣе тѣсной связи дружбы, чѣмъ та, благодаря которой онъ владѣлъ ею одинъ, то имъ овладѣваетъ ненависть къ любимой имъ вещи и зависть къ другому“ (стр. 184).

Прор. XXXVI. „Qui rei, quam semel delectatus est, recordatur, cupit eadem cum iisdem potiri circumstantiis, ac cum primo ipsa delectatus est“.—„Кто вспоминаетъ о вещи, отъ которой онъ когда-либо получилъ удовольствіе, тотъ желаетъ владѣть ею при той же обстановкѣ, какъ было тогда, когда онъ наслаждался ею въ первый разъ“ (стр. 186).

Прор. XXXVII. Cupiditas, quae prae Tristitia vel Laetitia, praecque Odio vel Amore oritur, eo est maior, quo affectus maior est.—„Желаніе, возникающее вслѣдствіе неудовольствія или удо-

¹ В. de Spinoza.—Ethices. pars III, Propositiones XXXIII—XXXVIII. (В. de Spinoza Opera, id., pp. 150—154).

Бенедиктъ Спиноза,—Этика, изложена въ геометрическомъ порядкѣ. переводъ съ латинскаго Н. А. Иванцова, М. 1892).

Ср. изложеніе у Куно Фишера,—Исторія новой философіи. Т. II, Спиноза. СПб, 1906 стр. 444—445.

² Страницы при латинскомъ текстѣ относятся къ изданію Фаль Флотена а при русскомъ—къ переводу этики Н. А. Иванцова.

вольствія, ненависти или любви, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше эти эффе́кты“ (стр. 189).

Prop. XXXVIII. „Si quis rem amatam odio habere inciperit, it ut Amor plane aboleatur, eandem majore odio, ex pari causa, prosequetur, quam si ipsam nunquam amavisset, et eo majori quo Amor antea major fuerat.“—„Если кто началъ любимую имъ вещь ненавидѣть, такъ что любовь совершенно уничтожается, то вслѣдствіе одинаковой причины онъ будетъ питать къ ней бѣльшую ненависть, чѣмъ если бы никогда не любилъ ея, и тѣмъ бѣльшую, чѣмъ больше была его прежняя любовь“ (стр. 188).

Согласно житейскому пониманію, ревность есть вредный для любви и безобразный наростъ ея; причины ревности чужды сущности любви, и потому ревность признается обычно устранимой изъ любви. Спиноза усматриваетъ бѣльшую тѣсную связь между любовью и ревностью; для него, ревность—не случайный попутчикъ любви, а вѣрная тѣнь, появляющаяся на экранѣ душевной жизни всякій разъ, какъ любовь освѣщается измѣною любимаго; или, точнѣе, ревность, по Спинозѣ, есть необходимый эквивалентъ любви, возникающій при поворотѣ отношеній къ худшему. Любовь не исчезаетъ, но преобразуется въ ревность. Но, все же, и тутъ, на почвѣ Спинозовскаго анализа, мыслима любовь безъ ревности (при полной взаимности), такъ что ревность,—хотя и необходимая психологически при извѣстныхъ условіяхъ—, получаетъ въ глазахъ Спинозы оцѣнку отрицательную, какъ *animi fluctuatio*,—какъ затемнѣніе сознанія, какъ неукротимая страсть. Ревность въ любви, для Спинозы, не есть любовь; и потому, какъ инородная любви, какъ не-любовь, хотя съ любовью и находящаяся въ причинномъ отношеніи, въ отношеніи эквивалентности, ревность преоудительна. Такимъ образомъ, и Спиноза, въ итогъ, остается при ходячемъ пониманіи ревности. Почему же это произошло?

— Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, вспомнимъ безжизненный и вещный характеръ всей философіи Спинозы. Не имѣя категоріи личности, Спиноза не можетъ различать любви къ лицу и вождельвія къ вещи,—смѣшиваетъ любовь и вождельвіе или, точнѣе сказать, подмѣняетъ первую послѣднимъ. Всюду мы читаемъ у него безличное *res amata*,—что должно перевести: „вещь вожд-

делѣнная“, ибо вещь не можетъ быть любима; „res amata“,— но нигдѣ нѣтъ рѣчи о любимой личности,—о личности, къ которой одной только и можетъ быть приложенъ эпитетъ „любимая“. Но кореллатъ вожделѣнія—ненависть съ завистью; поэтому-то у Спинозы, въ понятіи любви, получаетъ такое удареніе этотъ предосудительный моментъ ненависти съ завистью. Однако, какъ любовь не есть вожделѣніе, такъ же точно и ненависть съ завистью—не ревность, хотя, дѣйствительно, послѣдняя такъ же относится къ тому, что Спиноза разумѣетъ подъ ревностью, какъ истинная любовь—къ вожделѣнію. Чтобы понять ревность въ собственной ея природѣ, надо еще тѣснѣе связать ее съ любовью, ввести въ самое сердце любви и, подчеркнувъ личную природу любви, вскрыть, что ревность есть сама любовь, но въ своемъ „ино-бытіи“; намъ надо обнаружить, что ревность есть необходимое условіе и сторона любви, обращенная въ скорби, такъ что желающій уничтожить ревность уничтожилъ бы и любовь.

Для этого прежде всего надо снять съ ревности тяготѣющій надъ нею моментъ осужденія. Ревность такъ часто смѣшивалась съ извѣстными недолжными видами проявленія ея, что самыя слова „ревность“, „ревновать“, „ревнивый“, не говоря ужъ о „ревнивецъ“, стали словами осужденія.

И однако, видѣтъ въ подозрительности, мелочномъ самолюбіи, ведовѣріи, недоброжелательствѣ, злобѣ, ненависти съ завистью и т. п. сущность ревности—столь же неправильно, какъ въ нежданіи свободы, лицепріятія, неправедливости, и т. п. полагать суть любви, или въ холодности, черствости сердца, жесткости и жестокости его усматривать суть справедливости. Подозрительность, ненависть съ завистью и т. д.—все это дурныя, недолжныя, эгоистическія проявленія ревности, рождающіяся отъ смѣшенія любви съ вожделѣніемъ. Но чтó же, въ такомъ случаѣ,—сама ревность? Она—одинъ изъ моментовъ любви, основа любви, фонъ любви, первичная тьма, въ которой возсіяваетъ лучъ любви. Любовь есть свободное избраніе: изъ многихъ личностей, Я, актомъ внутренняго само-опредѣленія, избираетъ одну и къ ней,—одной изъ многихъ—, устанавливаетъ отношеніе, какъ къ единственной, душевно прилѣпляется къ ней. Ее,—обыкновенную—, Я хочетъ разсматривать какъ необыкновенную; ее,—сврую—,—

какъ праздничную; ее,—обыденную—, какъ торжество. Она въ толпѣ стоить, но Я вызываетъ ее и съ площади ведетъ въ прибранную горницу сердца своего. Я, нарушая „справедливость“ закона тождества, метафизическимъ актомъ самоопредѣленія,—не разсудкомъ,—всѣмъ существомъ своимъ—, рѣшаетъ видѣть въ избранной,—одной изъ многихъ—, личности исключительную, изъ ряда прочихъ выходящую,—однимъ словомъ, дѣлаетъ себя въ отношеніи къ избранной такимъ, что та личность дѣлается для нее Ты.

Если даже сказать здѣсь, что такихъ, любимыхъ, Ты—бываетъ много, то (хотя это „много“—признакъ не совершенства объекта любви, какъ такового,—признакъ незаконченности Ты, какъ Ты) все таки къ каждому, при любви, отношеніе—какъ къ единственному. Всякая любовь, въ существѣ своемъ, имѣетъ избирательную, избирающую силу, есть dilectio, и потому любимый—всегда избранникъ, избранный, единственный. Въ этомъ-то и заключается личная природа любви, безъ которой мы имѣемъ дѣло съ вещнымъ вожделѣніемъ и безразличіемъ въ замѣнѣ вожделѣнной вещи вещь ей равною. Требованіе нумерическаго тождества любимой личности,—хотя бы при отсутствіи тождества генерическаго, признаковаго—, характеризуетъ любовь и, вмѣстѣ, нарушеніе ею закона тождества, тогда какъ требованіе генерическаго, признаковаго тождества вожделѣнной вещи, при безразличіи къ тождеству нумерическому, даже при непониманіи его, и, потому,—соблюденіе закона тождества характеризуетъ собою вожделѣніе. Сознаніе единственности—такое условіе любви, даже въ самыхъ несовершенныхъ ея проявленіяхъ; мало того, даже для иллюзіи любви нужна, если не единственность, то хотя бы иллюзія единственности, неповторимости, исключительности, хотя бы онъ, любящій, мнилъ любимое существо единственнымъ столь же неосновательно, сколь всегда мнитъ себя единственною въ мірѣ и исторіи первая любовь, сколь ошибочно считаетъ себя единственнымъ каждый изъ „единственно-законныхъ“ наслѣдниковъ и истолкователей Канта, сколь ложно, наконецъ, утверждаетъ себя единственнымъ „Единственный“ Штирнера.

Непонятнымъ актомъ избранія личность сдѣлана единственной, призвана къ высокому, царственному сану Ты. Она согласилась на это избраніе. Она сказала „Да“. Чего же, те-

перь, Я хочеть?—Только одного: того, чего восхотѣло,—любви своей. Я утверждаетъ актъ любви своей какъ вѣчный по цѣнности и, значить, требуетъ его пребываемости, его неотмѣнности. Это внутреннее утверждение выражаетъ себя какъ рвеніе или ревность воплотить во времени свой вѣчный актъ избранія любимаго Ты. Я желаетъ, чтобы Ты не мѣшало ему въ его любви, т. е. чтобы оно въ отношеніи къ нему дѣйствительно было Ты. Пусть любимое Ты ведетъ себя, какъ единственное; пусть не сходитъ со своего пьедестала выдѣленности, обособленности, избранничества. Это ничего, если избранное Ты будетъ самымъ зауряднымъ въ толпѣ и для толпы. Но для Я, для избравшаго, оно должно быть именно Ты, и—ничѣмъ, кромѣ какъ Ты: иначе невозможна самая любовь, иначе не можетъ воплотиться во времени самый актъ избранія. Иначе „время“ любви не будетъ „подвижнымъ образомъ вѣчности“ избранія. Ты, въ отношеніи Я, должно и вести себя какъ Ты, а не какъ одинъ изъ многихъ; должно быть въ вѣнцѣ царскомъ, а не въ ночномъ колпакѣ. Сознаніе необходимости этого отъ Ты для самой возможности любви влечетъ за собою желаніе осуществить это избранничество и, затѣмъ, утвердить и охранить его. Все это вмѣстѣ и будетъ ревностью.

А если Ты не захочеть этого? Если оно упорно нарушаетъ санъ свой и высокое положеніе, свободно имъ принятыя? Если оно, сказавъ „Да“ на предложеніе ему новой сущности,—Ты—, если оно, по легкомыслію, или по упрямству, или по недостатку искренности въ принятомъ на себя высокомъ жребіи, своей жизнью показываетъ, что для него Я—не Я? Если, желая быть Ты, оно не хочеть признавать Я за Я?—Тогда Я не можетъ и не должно оставаться безъ противо-дѣйствія. Это противо-дѣйствіе есть проявленіе ревности,—ревности къ своей любви, т. е. заботы о непорочности, о подлинности, наконецъ, о сохраненіи, своей любви. Требованіе этого отъ Ты во имя самой возможности любви влечетъ за собою желаніе осуществить это избранничество, утвердить и оградить его. Все это, вмѣстѣ,—повторяю—, и будетъ ревностью. Что-нибудь одно. Или Ты должно признать это противо-дѣйствіе себѣ, эту борьбу за любовь, эту ревность и измѣниться, или же оно должно отказать отъ сана своего, признать себя только зауряднымъ, вернуть-

ся съ престола въ сѣрую толпу, изъ торжества—въ будничную обстановку. Для Я нельзя любить и не ревновать, когда Ты фактически перестаетъ быть Ты, т. е. не стараться снова сдѣлать его Ты. Поэтому если за нимъ не признаютъ ревности, то не остается ему ничего, кромѣ какъ низверженія Ты съ его престола. Я должно забыть о Ты, разлюбить его, ибо только этимъ путемъ можно избавить Ты отъ требованія отвѣтной любви. Но Ты—вросло въ Я, сдѣлалось частью его. Разлюбить—это значить лишиться части своей. Забыть—это значить отсѣчь отъ себя кусокъ живой плоти. Такъ и бываетъ, когда, уважая чужую свободу, приходится вырвать любовь изъ груди вмѣстѣ съ самымъ сердцемъ.

Для примѣрнаго (—хотя и приблизительнаго только--) поясненія сказаннаго приведу еще отрывокъ изъ уже цитированнаго на стр. 487 дневника. Это—запись какого-то дѣйствительнаго или воображаемаго разговора съ другомъ. Вотъ она:

„— Ты ведешь себя такъ-то и такъ-то. Ты таишься, ты секретничаешь, ты желаешь полной самостоятельности, тебя тяготитъ признаніе,—какъ твое, такъ и друга.

— Да, но неужели ты не знаешь, что я всегда и вездѣ такъ веду себя?

— Хотя это и несовсѣмъ правильно, и ты далеко не со всѣми и не всегда и не вездѣ таковъ, но если бы и такъ было,—это для меня не отвѣтъ.—„Дружба“ потому и есть дружба, что отъ другого что-то передается мнѣ и отъ меня—другому. Потому „отношенія“ и суть отношенія, что они кого-то къ кому-то, т. е. къ другому, относятся,—выводятъ каждого изъ само-замкнутости эгоизма и узости сердечной,—что они „расширяютъ бытіе“ личности, какъ говорилъ Спиноза...

— Но если,—пойми—, природа моя, естество мое такое.

— Ну, такъ что жъ. Всякаго естество таково,—эгоистично и узко. Но дружба-то и открываетъ ходъ притоку новой реальности. На то—и дружба, чтобы мы не были „сердцемъ хладные скопцы“; а вѣдь скопчество сердечное—самый худшій изъ пороковъ, самое ужасное изъ всего, что можетъ быть присуще человѣку.

— А если я—всегда „скопецъ“...

— Въ любви наша личность перестаетъ быть такой, какъ „всегда“, какъ „вездѣ“, какъ „со всѣми“. Старчество, дряхлость души проходятъ. Душа обновляется и молодѣетъ.

— Но развѣ у насъ нѣтъ викакихъ отношеній? Живемъ же какъ-нибудь...

— Въ томъ-то и дѣло, что — „какъ-нибудь“. Если же нѣтъ тѣхъ отношеній, о которыхъ я говорилъ, если „отношенія“ никого не со-относятъ и „связи“ никого не связываютъ, — тогда ихъ вовсе нѣтъ, и личности — не въ дружбѣ, не другъ въ другъ, а сами въ себѣ и сами по себѣ, — въ себя-любии. Если ты остаешься со мною, „какъ со всѣми“ и ведешь себя въ отношеніи меня, „какъ всегда и вездѣ“, то это-то лучше всего доказываетъ, что ты не вѣдаешь ни дружбы, ни отношеній, ни связи...

Пойми, я не любви или нелюви твоей хочу, ни дружбы или вражды, а простой опредѣленности, чтобы я зналъ, стѣбитъ ли изнемогать и тратить силы надъ этою нивой дружбы, въ надеждѣ хотя бы на далекій урожай, или же я заранѣе долженъ отказаться отъ мысли на лучшее будущее, бросить бесплодную, каменистую ниву и заняться тогда уже „своими“ дѣлами. Но ты глухъ; „добру и злу внимая равнодушно“ ты отмалчиваешься. Долго ли такъ?“

Сердце, изъязвленное Другомъ, не залечится ничѣмъ, — кромѣ Времени, да Смерти. Но Время стираетъ язвы его, удаляя и большую часть сердца, — частично умерщвляетъ —, а Смерть изничтоживаетъ всего человѣка. Поскольку живъ, стало быть, человѣкъ, постольку ненесцѣльны и болѣзненны раны его отъ дружбы. И будетъ онъ ходить съ ними, чтобы явить ихъ Вѣчному Судіѣ.

Взгляни на Господню притчу о „званныхъ“, и „избранныхъ“ (Мѣ 22 2-14; Лк 14 16-24). Сколько въ ней тайной горечи, — безконечной горечи и боли уязвленнаго въ самую любовь свою сердца. Любимые, званные, тѣ, которыхъ самъ Богъ ревновалъ, которымъ Онъ все дѣлалъ, — чего не дѣлалъ ни одному народу... и что же? Они не хотятъ быть избранными, они не хотятъ собственнаго спасенія своего. Мало того, они не хотятъ даже быть просто деликатными, — откликнуться на призывъ Люви, дающей имъ высшій даръ Свой, дѣлающей ихъ друзьями Своими. Они пренебрегаютъ любовью Люви. Ну, тогда: „Изыди скоро на распутіа и стогны града, и нишныя, и бѣдныя и слѣпыя и хромыя введи съмо“. И, когда осталось еще мѣсто, то опять: „Изыди на пути и халуги, и убѣди внити, да наполнится домъ мой“. Пиръ любви, кото-

рый нѣкому предложить, который готовился для милыхъ сердцу, но оказался наполненнымъ проходимцами съ улицы! . Все дѣлать, все сдѣлать въ дружбѣ, чтобы преодолѣть стоящую между человѣками стѣну. Не жалѣть силъ, бороться за общеніе до поту, до кровей мученическихъ, до смерти. Положить животъ за други своя, ибо первое, отъ чего должно освободить друзей,—это отъ неискренности, отъ холодности, отъ само-замкнутости. Но есть, бываесть граница, которой не перейдешь. Есть стѣна, которой не прошибешь ни лбомъ, ниже тараномъ. И когда подошелъ къ этой границѣ, когда вплотную придвинулся къ этой стѣнѣ,—тогда надо уходить. Со скорбью сердца надо вырвать чувство изъ себя,—хотя бы отрывая кусокъ плоти живой; надо освободиться отъ того, что невозможно,—а невозможно, именно, показать другому, что невозможное, т. е. любовь, возможно. Самъ Спаситель міра избранному Богомъ народу,—когда подошелъ къ этой границѣ, съ которой ясно была видна невозможность пронять его любовью—, Самъ Онъ повернулъ вспять. „Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки, и каменіемъ побиваяя посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираесть кокошь птенцы своя под' крыль, и не восхотѣсте; Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“ (Мѣ 23 37-38).

Изъ произведеннаго анализа понятія ревности видна глубочайшая связь ея съ преодоленіемъ закона тождества,—этой перво-основы разсудка. Отсюда понятно, почему ревность, даже въ наиболѣе чистыхъ проявленіяхъ своихъ, привлекаетъ на себя косою взглядъ недоброжелательства со стороны разсудка, почему „здравый смыслъ“ и кровная дочь его, насмѣшка, такъ охотно прохаживаются на счетъ ревности, даже когда послѣдняя беретъ *in abstracto*, въ принципѣ. Какъ любовь, такъ и ревность,—другая любовь—, сражаются съ разсудкомъ, прорывая своимъ напоромъ основную часть его,—законъ тождества. И, въ этомъ смыслѣ, ревность—глубоко несправедлива. Если безразсудность ревности навлекаетъ на нее интеллектуальное осужденіе, какъ „нелѣпости“, то эта несправедливость ревности, въ свою очередь, вызываетъ раздраженную моральную оцѣнку ея, какъ явленія „безнравственнаго“. Вотъ еще причина затемнѣнія разобраннаго нами понятія ревности.

Данныя этимологіи подтверждаютъ тѣ заключенія, къ ко-

торымъ приведе насъ метафизическій анализъ понятія ревности. Понятіе ревности, въ русскомъ языкѣ ¹, въ основномъ своемъ направленіи, характеризуется какъ мощь, какъ сила, какъ напряженіе, но вовсе не какъ страхъ, или ненависть, или зависть. Рев-н-ив-ъ и соотвѣтственные производныя рев-н-о-ва-ть, рев-н-ость сближаются съ латинскими riv-al-is, riv-in-us—соперникъ и съ французскими riv-al, riv-al-is-er, riv-al-ité. Но, если это и такъ, то все же остается неяснымъ, каково коренное значеніе этого слова. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дать не трудно. Рев-н-ив-ъ, чрезъ свою старославянскую форму рѣв-ѣн-ивъ приводится къ тому же корню, что и семейство словъ рѣв-ѣн-і-е, рѣв-н-ост-н-ый, рѣв-н-и-тель. ибо для этихъ послѣднихъ старославянскими производными будутъ рѣв-ѣн-и-ю, рѣв-а-н-ъ (lucta, борьба). Ревность, очевидно,—то же, что и рвеніе, ревнивый—то же, что и ревнитель, ревновать—то же, что и рвать или, скорѣе, рваться. Сербское рв-а-ти имѣетъ смыслъ епіі, рв-а-ти се—certare. Тутъ проводятся соотношенія съ санскритскими: ar-vaṇ—стремительно бѣгущій, поспѣшающій, aṅva—проворный, быстрый, конный; съ греческими βρέβοτο—они поспѣшили, ἠ-ροῦ-ει—спѣшить, устремляется; съ латинскимъ ru-it, съ древне-саксонскимъ ari, древне-сѣвернымъ örġ—быстрый, готовый, конный.

Какъ „имѣть ревность“, такъ и „имѣть рвеніе“, по своему корню, означаетъ лишь наличность силы, мощи, стремительности. Это—противоположность вялости, безсилью, слабости. Вотъ почему ревновать нерѣдко употребляется въ значеніи „съ силою, съ энергіею стремиться къ чему-нибудь“, „быть энергичнымъ въ чемъ-нибудь“. Ревновать чего или поревновать чего значить,—по В. Далю—, „потщиться всѣми силами“, „со рвеніемъ стремиться къ чему-либо“. Такъ, говорится: „ревную знаній“, „ревную небснаго царства“, „ревнуйте же дарованій бблшихъ“ (Кор). Ревновать кому, чему имѣетъ значеніе „соревновать, подражать, послѣдовать, или стремиться какъ-бы взапуски,

¹ Н. В. Горяевъ,—Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тифлисъ, 1896. Стр. 296: рвеніе: стр. 297: ревнивъ.

Вл. Даль,—Толковый словарь живого великорусскаго языка. Изд. 3-ье, подъ редакціею Н. А. Бодуэна-де-Куртене. СПб.-Москва, 1907. Т. III, колд. 1666--1667: ревнивецъ, кол. 1667: ревновать.

не уступая. Такъ, Ломоносовъ употребилъ оборотъ: „ревнуйте нашему примѣру“; такъ же точно говорится: „я всегда ревновалъ усиѣхамъ его“ и т. д. Отсюда мы можемъ съ рѣшительностью заключить, что **ревность** прежде всего означаетъ,—какъ и указываетъ В. Даль—, „горячее усердіе, стремленіе“ и даже, преимущественно, „къ дѣлу“; въ этомъ именно смыслѣ говорится: „ревность по службѣ“, „ревность къ службѣ“, „ревность не по разуму“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, **ревностный** значитъ „самый усердный, прилежный, заботливый, предавшійся всею душою дѣлу“; таковъ оборотъ: „ревностный поборникъ правды или за правду“¹.

Точно также и **греческое** ζήλος или, въ дорической формѣ, ζῆλος имѣетъ собственнымъ своимъ значеніемъ „пыль, рвеніе—ardeur, zèle“², затѣмъ „соперничество, ненависть—rivalité, haine и, наконецъ только, „ревнивость—jalousie“, т. е. ревность, какъ принято понимать ее въ интеллигентскомъ языкѣ и какъ ее вовсе не понимаетъ ни одинъ народъ. Сообразно съ этимъ, глаголь ζηλώω означаетъ „домогаться съ жаромъ, сильно желать—rechercher avec ardeur, envier“. Что же касается до этимологіи этихъ словъ, то здѣсь имѣется такое изобиліе различныхъ и притомъ искусственныхъ гипотезъ, что сказать что-нибудь опредѣленное было бы опрометчивымъ³. Можно указать только, что, по Прелльвицу, слово ζήλος происходитъ отъ ἦρα, т. е., собственно, „быть рьянымъ—heftig sein“, равно какъ и глаголь ζητέω—искать, домогаться.

Латинскій языкъ не даетъ намъ въ настоящемъ случаѣ ничего новаго: слово zeloturia,—ревность—заимствовано изъ греческаго и происходитъ, слѣдовательно, отъ ζήλος.

Наконецъ, въ **древне-еврейскомъ** языкѣ, какъ рвеніе, Eifer, такъ и ревность, Eifersucht, обозначается однимъ словомъ, а именно קַנְיָא кин'а, происходящимъ отъ обще-

¹ Вл. Даль,—Толковый словарь живого великорусскаго языка. изд. 3-ье, подъ ред. Н. А. Бодуэна-де-Куртене. СПб.-М., 1907. Т. 3, кол. 1667.

² Em. Boisacq,—Dictionnaire de la langue grecque, Heidelberg-Paris, 1909, 4-me livraison, p. 309. Тутъ приведены нѣкоторыя изъ нихъ. См. также: Georg Curtius,—Grundzüge der griechischen Etymologie, 4-te Aufl., Lpz., 1873, SS. 380—381, n. 567.

³ W. Prellwitz,—Etymologisches Wörterbuch der Griechischen Sprache. Göttingen, 1892, S. 109: ζῆλος; S. 110: ζητέω.

семитскаго קנא , קני . Этотъ трех-литерный корень нисколько не содержитъ въ себѣ оттѣнка интеллигентской ревности; такъ, въ арабскомъ языкѣ онъ имѣетъ значеніе „становиться весьма краснымъ — hochrot werden“, въ сирскомъ — „быть темнаго цвѣта — dunkelfarbig sein“. Отсюда уже въ языкѣ еврейскомъ и въ прочихъ семитскихъ קנא , קני означаетъ „быть ревнивымъ, страстнымъ“. Самое слово קנאה кин'а означаетъ, прежде всего, страсть любви съ ревностью, затѣмъ соревнованіе и еще ревность, Божию ревность о славу своей ¹.

Существуетъ еще одно слово, признаваемое нѣкоторыми ² за эквивалентъ русскаго „ревность“, — это именно שקידה шекида.

Но слово шекида, еще менѣе чѣмъ кин'а, содержитъ въ себѣ понятіе „ревности“ въ специфическомъ значеніи слова. Въ самомъ дѣлѣ, шекида происходитъ отъ обще-семитскаго קנש , קנד , въ финикійскомъ языкѣ соответствующаго понятію „уважать, почитать, цѣнить что — auf etwas achten“, а въ языкѣ мишнаическомъ и таргумическомъ получившемъ значеніе „быть ревностнымъ — eifrig sein.“ ³

Итакъ, общее заключеніе, къ которому пришли мы, будетъ таково: этимологія и слово-употребленіе слова ревность и производныхъ его безспорно подтверждаютъ данный ранѣе метафизическій анализъ понятія ревности. А именно, окончательное снимается съ ревности тяготящее на ней осужденіе и она признается лишь необходимымъ выраженіемъ, или, точнѣе сказать, лишь необходимою стороною сильной любви. Это-то и дѣлаетъ понятнымъ, почему Слово Божіе столь часто и столь упорно приписываетъ ревность Богу. Очевидно, въ такомъ приписываніи должно видѣть не натянутый анеропопаэизмъ, а точное обозначеніе существа дѣла. Въдъ ревность есть понятіе онтологическое, а не психологическое и не этическое.

Павель Флоренскій.

¹ Wilhelm Gesenius, — Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über der Alte Testamente. In Verbindung mit Alb. Soehn und H. Zimmern bearbeitet von Fr. Buhl. 12-te Aufl. Ipz., 1895, SS. 692—693. Тутъ же приведены и ссылки на соответственные мѣста Св. Писанія.

² Ю. К. Штейнбергъ, — Русско-еврейскій словарь. СПб. 1860. Изданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Стр. 737.

³ Gesentis, — id., S. 820.